

ALEX WEIMAR

ВОЗЛЮБИ

ВРАГА

СВОЕГО

18+

Alex Weimar

Возлюби врага своего

«Автор»

2025

Weimar A.

Возлюби врага своего / А. Weimar — «Автор», 2025

Эта история о необыкновенной судьбе немецкого солдата. По воле фюрера он оказался на Восточном фронте. Не смотря на близость к смерти он остается жив и даже вернулся домой в Германию. Как гражданин своей страны Кристиан верен присяге. Оказавшись на грани смерти, он делает неожиданный выбор. Немецкий диверсант становится бойцом истребительного отряда НКВД. Он влюблен. Его выбор — русская девчонка, спасшая его от смерти. Проходят годы, и уже в ГДР бывший вражеский солдат встречает своего сына — майора Советской армии.

© Weimar A., 2025

© Автор, 2025

Alex Weimar

Возлюби врага своего

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Моя история началась задолго до трагических событий страны, которая по воле нацистов была втянута в самую кровопролитную войну за всю историю человечества. Она началась с того дня когда я появился на свет.

Родители назвали меня Кристиан – Кристиан Петерсен. Мне повезло родиться в Тюрингии в небольшом, уютном городке с названием Ордруф, через который протекала речка Ора. Город этот не очень большой, поэтому, здесь каждый бюргер не только знает друг друга, но и дышит одним воздухом. Если бы не знаменитые фарфоровые куклы «Бэра и Прёшильда», да органные токкаты Иоганна Себастьяна Баха, которые он творил в этих местах в эпоху барокко, то никто бы не знал о его существовании.

Как и сотни тысяч других немецких детей, я жил в эпоху великих перемен. В нашей семье чтили законы рейха, поэтому все случилось так, как случилось со всей Германией. Мой отец Клаус Петерсен имел специальность литейщика гипсовых форм, а мать – Кристина, служила сестрой милосердия в местном военном лазарете.

С детства я обожал рисовать. Возможно, именно этот талант и сохранил мне жизнь во время этой чертовой войны. Мне было всего восемнадцать, когда я студент высшей школы прикладных искусств, был призван на службу в Вермахт.

В тот год, когда началась война, я учился на втором курсе. В виду моего воспитания и увлечения, мне не было никакого дела до политики – она была вне моих интересов. С детства я хотел служить только искусству, как служил музыке Себастьян Бах, и делать свое любимое дело столько сколько господь отпустит мне на этот промысел счастливых дней.

В отличие от моих сверстников, у меня не было времени маршировать по улицам города в составе «НЛ». Я не был фанатично сочувствующим национал-социалистической партии, но, как все немцы, я любил и обожал родину. Как и все немцы, я желал ей только процветания и настоящего величия. Тогда мы искренне верили в те идеи, которые доносили до нашего сознания наши вожди. Я был молод. Я был красив, и я был горд тем, что мне довелось родиться немцем.

Сейчас политики говорят, что война пришла неожиданно, нет – это не правда. Мы немцы, готовились к ней. Готовились каждый день и каждую ночь. Триста шестьдесят пять дней в году мы ковали современное оружие. Танки, самолеты, корабли, подводные лодки, которые становились нашей гордостью. Фюрер вселил в нас уверенность. Фюрер вселил в нас самоуважение, и мы поверили ему, как родному отцу. Нам казалось тогда, что на плечах немецкого солдата лежит ответственность за грядущие поколения, и будущее на этой планете будет принадлежать великой Германии.

Когда пришла война, я не стал искать повод, чтобы уклониться от воинской повинности. Я вдохновленный силой и мощью немецкого оружия, решил честно исполнить свое предназначение. Я искренне верил в правоту дела партии.

Наше победоносное продвижение на Восток, было стремительным. Это был настоящий и молниеносный удар кинжалом, который предрекал нам легкую победу над сталинской Россией. Я и мои боевые товарищи искренне верили, что уже совсем скоро, и мы войдем в их столицу. Нам казалось, что война будет победоносно окончена парадом на Красной площади, как нам обещал великий Адольф Гитлер, и мы потомки древних ариев, пройдем строевым шагом под стенами большевистского Кремля.

Мы не знали, что вступив в Россию, наши мучения и неприятности только начинаются. И они не заставили себя ждать. Они пришли к нам зимой сорок первого года. Непривычные к ядерным русским морозам, для нас европейцев, эта зима оказалась настоящим адом. Еще вечером, наши танки стояли в грязи, а уже утром они настолько вмерзли в русскую глину, что их приходилось вырубать топорами и кирками, чтобы идти дальше.

Я никогда не смогу забыть этот жуткий холод, который стремительно пришел к нам с Севера. Он проникал в блиндажи, забирался под сукожные шинели, и превращал нас в мороженое мясо. Оружейная сталь прилипла к рукам. Если ты потерял перчатки – ты мог считать себя трупом. Через три дня пальцы синели, покрывались водяными пузырями, а потом отваливались сами по себе, и ты к своему удивлению не чувствовал никакой боли. Да, ты не чувствовал боли – ты впадал в предсмертный ступор. Ты не мог осознать, что такого происходит с тобой. Если тебя не успели эвакуировать в полевой лазарет, через несколько дней ты превращался в ходячий труп. Гангрена пожирала твои конечности, и ты уже не в силах был остановить процесс гниения всего тела.

Вот в таком крошечном аду, в условиях двухмесячной блокады мы столкнулись с нестигаемой силой и духом русского солдата, который мечтал уничтожить нас.

Основные силы группы армий «Центр», которые рвались к Москве, в декабре были отброшены от столицы. До самой весны мы оказались запертыми четвертой и третьей ударными армиями от Ржева до Великих Лук. Тогда нам казалось, победа близка, и мы уже видели красные звезды на кремлевских башнях. Но русские, собрав несметные силы, отбросили нас от захваченных рубежей на десятки и сотни километров по всей линии фронта. Нашей восьмидесятой третьей дивизии, под командованием генерала Александра фон Зюлова «повезло» наступать на фланге, между группой армий «Центр» и группой армий «Север». Пехотный полк, в котором мне довелось служить, расквартировался в кирпичных подвалах древних русских церквей и в купеческих домах одного из провинциальных городов, который русские называли Велиж.

Не пройдет и двух месяцев, и берлинские военные «писаки», окрестят этот город «мертвым». Они придадут ему статус непобедимой крепости. Вот такая роковая случайность спасла наш двести пятьдесят седьмой пехотный полк восьмидесятой третьей дивизии от полного уничтожения.

Когда летом сорок первого года мы вошли в город, мы не успели даже обустроиться. Мышеловка захлопнулась. Большевики силами дивизии, ловко обложили нас со всех сторон, подтянув силы четвертой армии. Выбив наши силы с окраин, русские основательно заблокировали нас внутри города. Велиж задолго до событий на Волге, превратился в маленький «Сталинград» на Западной Двине.

Три месяца блокады для меня и моих боевых товарищей стали настоящим испытанием стойкости и доблести германского духа. С того момента, как мы встретили рождество и до самой середины апреля сорок второго года, большевикам удалось обрезать нам все связи с внешним миром.

Будучи запертыми в подвалы блиндажи и окопы мы продолжали слепо верить в тот счастливый момент, когда нам на помощь придут свежие силы и помогут нам разорвать эту чертову блокаду. Несмотря на потери, которые ежедневно несли подразделения дивизии, мы продолжали яростно сопротивляться.

Всю зиму большевистская артиллерия обстреливала и бомбила блокированный город, планомерно превращая его в выжженное поле.

Внезапно колесо фортуны изменило мою солдатскую судьбу, которая явилась на пост в образе нашей «батареи мамы».

Обер-фельдфебель Краузе появился на боевом посту, словно привидение. Сжавшись от холода, я растеряно смотрел на него, и ничего не мог произнести, как этого требовал формуляр караульной службы. Мои зубы отбивали чечетку, и я не в состоянии был вымолвить даже слово.

– Стоять! Буду стрелять! Пароль, – пробубнил я застывшими губами.

– Ты Крис, часом не спятил, – спросил обер-фельдфебель. – Вена – дерьмо ты собачье...

– Опал, – таков был отзыв.

В морозном мареве, я не сразу узнал нашего обер-фельдфебеля Вальтера Краузе. Нам всюду мерещились большевики. Поэтому у моего страха были просто огромные глаза.

– Опустит пушку, засранец! Ты что совсем студент чокнулся!? Я пришел снять тебя с караула.

– В чем дело господин обер-фельдфебель, я в чем-то провинился...

– Только, что вестовой доставил приказ командира дивизии. Тебя Петерсен, переводят в разведывательное подразделение. Обер-лейтенант Крамер ходатайствовал о твоём переводе. Тебе предстоит занять место одного ублюдка, который, умудрился пропасть в этой дыре без вести. Скорее всего, его украли «Иваны».

Краузе, подышал на руки, чтобы немного их отогреть и достал из внутреннего кармана казенный лист бумаги.

– Вот читай – мне приказано немедленно доставить тебя в штаб!

– А как караул? Я что могу оставить пост?

– Лемке – Лемке засранец, через пять минут тебя сменить. Я дал команду и он уже собирается, – сказал Краузе. – Мне силой пришлось вытаскивать его из-под одеяла, чтобы объявить приказ на службу.

Пока я общался с Краузе, Карл выполз из подвала. Он был сонный и весьма раздраженный. Его конечно можно было понять: кому было интересно торчать в карауле в тридцатиградусный мороз. Даже, несмотря на овчинный тулуп, который носил часовой. Мороз пробирал до самых костей, и нам приходилось обматывать себя газетами, тряпками, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Бывает обидно, когда ты несешь службу, а твои боевые камрады сидят вокруг теплой печки, пьют французское вино, играют в карты и набивают брюхо жареным картофелем. От этого становится грустно и зябко.

Краузе достал табак и раскурил трубку. Он сделал пару глубоких затяжек и сказал:

– Дай-ка мне сынок, глянуть, что у тебя там, – сказал он, указывая мундштуком на мой карабин. – Предъяви оружие к осмотру! Ты парень не обижайся, но я не хочу, чтобы ты случайно прострелил мой окорок.

Я передернул затвор. Удалив патрон из ствола оружия, я показал ему, разряженный карабин. Вальтер облегченно вздохнул.

Обер-фельдфебель боялся, что я могу случайно выстрелить ему в спину, когда мы будем ползти по окопам и подвалам. Таких случаев в вермахте было довольно много, и эти потери не списывались на большевиков, а висели грузом на семье погибшего.

В этот миг, на посту появился заспанный Лемке. Он увидел меня и стал стенать, словно пожилой мюнхенский угольщик, который болел артритом, но ради благополучия семьи продолжал таскать тяжелые мешки с углем.

– Петерсен, черт бы тебя побрал! Ты, что сваливаешь под крылышко командира дивизии, – спросил он завидуя.

– Такова воля нашего господина, – сказал я, переводя разговор в нейтральную плоскость.

– А ты будешь забирать свой паек, или разрешишь камрадам его слопать, – спросил Лемке, глядя мне в глаза.

В те суровые дни каждая корка хлеба, каждая банка сосисок или колбасного фарша были на вес золота. Это хорошо, что большевики, отступая, бросили в своих хранилищах больше

трехсот тон картофеля. Он стал на время блокады нашим желанным трофеем, который спас полк от тотального голода.

Во время перевода из одного подразделения в другой, Краузе давал каптенармусу предписание, по которому тот выдавал убывающему солдату, суточный паёк. Он состоял из: двух банок консервированного фарша, половины буханки хлеба, или полкило сухарей, две плитки шоколада и пяти порций дерьмового эрзац кофе – из жареных желудей с примесью цикория.

– Ты Лемке, меньше говори, целее будешь! – раздраженно сказал Краузе.

Обер-фельдфебель сплюнул. Мы с Карлом увидели сгусток крови, который расплылся на снегу. Все было ясно, у Краузе, начиналась цинга и его судьба была теперь непредсказуема.

– Черт! Дела камрады, дрянь, – сказал он, увидев кровавый след.

Лемке, не сдержался, чтобы не вставить свои десять пфеннигов:

– Вам господин обер-фельдфебель, непременно надо в тыл. В лазарет. Вам срочно нужны витамины, вы, без них вряд ли дотянете до весны. Надо кушать лук, чеснок и шпик. Тогда болезнь отстанет от вас.

– Слышишь Карл, мне наплевать на твои советы! Когда ты, болтался капелькой спермы, на отцовской письке, я Вальтер Краузе, уже воевал с русскими. Не один раз я ходил в штыковую атаку и как видишь – пока цел, и даже дослужился до обер-фельдфебеля.

Лемке закрыл рот. Я видел, что он не хочет вступать в полемику Краузе, чтобы не гневить нашего начальника. Я передал ему тулуп и тяжелые караульные боты на толстой войлочной подошве, которые должны были спасти нас от обморожений.

– Гренадер Карл Лемке принял пост, – сказал он с какой-то ехидной ухмылкой. – Желаю вам парни удачи! Вы только чаще пукайте. Внутренний газ вредит здоровью, – сказал он с какой-то особой интонацией, и засмеялся, обнажив свой лошадиный оскал.

– Идиот, – сквозь зубы сказал Краузе. – Меня от него тошнит как от большой кучи дерьма.

– Давай, держись и не болеей, – ответил я покидая пост. – Когда русские попрут нас обратно домой, ты постарайся не нагадить в подштанники. Дерьмо Карл, оно ведь на морозе быстро замерзает и мешает бежать....

В эти дни блокады, мы все по не многу сходили с ума. Смерть косила наши ряды, и каждому из нас приходилось сдерживать себя, чтобы не попасть в ту очередь. Через несколько дней, большевикам все же блеснула фортуна и они ухлопали Карла. Пуля большевистского снайпера просверлила дыру в стальном шлеме вместе с мозгами. По поводу его кончины, парни из нашей батареи поминок устраивать не стали. Никому не было его жалко. Карл Лемке – был отвратительной личностью. Он был из тех, кто с детства носил коричневую рубашку и фанатично стучал в полковой барабан. Он называл себя элитой немецкого народа, и на всех, смотрел свысока. Мы знали, что в минуты фронтового затишья, когда «Иваны» сидели тихо, словно мыши под веником, он бегал к командиру зондеркоманды, оберштурмфюреру SS Ойгену Штаймле. Они были знакомы и знали друг друга еще по довоенному времени. Я думаю Карл не был «стукачом». Просто мы опасались его. Многие парни сторонились Карла, и поэтому были с ним всегда настороже. Новость о смерти Карла Лемке, была воспринята в батарее, как господнее провидение и каждый камрад где-то в душе радовался этому печальному событию.

Вот так по-фронтовому буднично, началась моя новая жизнь – жизнь в дивизионной разведке.

После грандиозного провала «великого сталинского штурма», который, состоялся в канун рождества, девятая карательная айнзац команда, которая квартировала до блокады недалеко в Сураже, получила приказ, произвести в городе акцию устрашения. В начале января, «Иванам» удалось потрепать карателей, отправив на свидание с богом больше батальона СС. За этот позорный разгром гарнизона в Крестах, каратели устроили в городе настоящую «кровавую баню». Они согнали полторы тысячи евреев местного гетто в старые телятники и запа-

лили их. От этого смрад от горелого мяса повис в морозном воздухе на целую неделю, пока обгорелые трупы не промерзли.

Попрошавшись со своим сменщиком, я двинулся вслед за батареей «мамашей».

По службе Краузе знал в городе все дыры и «крысиные тропы», по которым мы ползали по улицам и домам местных жителей в поисках шнапса, провианта и трофеев из шерстяных вещей.

Он спустился в церковный подвал. Там располагалась наша батарея. Я последовал следом за ним, погружаясь в атмосферу сырости, духоты и больничного смрада. В те жуткие дни блокады в подвале православной церкви имени «святого Николая», как звали её русские, квартировал дивизион полевых пушек, «leIG –18». Здесь было тепло. Камрады топили чугунную печку, которая досталась нам от бежавших «Иванов» и её тепло согревало нас от русских морозов.

Уставшие, голодные и замерзшие камрады из дивизиона лейтенанта Фрике, отдыхали на трехэтажных деревянных нарах, которые были сколочены нами в минуты затишья. В соседнем помещении подвала, был оборудован полевой лазарет. Там была вотчина полковых докторов и санитаров, которые делали всё, чтобы вернуть к жизни раненых и больных.

В дни блокады на душе было жутко тоскливо. Со всех сторон гарнизон был окружен русскими. Боевой дух стремительно покидал нас, как уходит воздух из пробитой автомобильной камеры. Мы неумоимо молились господу о спасении, но Бог почему-то не слышал этих молитв. Смерть продолжала пожирать кровавую жатву, и конца этому кошмару не было видно.

Где-то в глубине подвала, полковой капеллан, гауптман Шнайдер, от простуды осипшим голосом читал над убитыми библию. Каждый день камрады выносили окоченевшие трупы на улицу в холодную церковную пристройку. Их надо было хоронить, но рыть промерзшую на два метра землю, ни у кого не было желания. Этот ежедневный ритуал напоминал настоящее безумие. Было такое ощущение, что все мы были обречены.

Большевики старались прорвать нашу оборону, и поэтому наш полк нёс значительные потери. За три месяца зимы, гарнизон потерял больше двух тысяч человек. Из пяти тысяч камрадов вошедших в город в июле 1941, к марту 1942 года, осталось чуть меньше половины.

– Студент, давай шевели окошками. Схватил свои шмотки и вперед! Мне нужно сдать тебя по команде, и я сынок, хочу успеть на вечерний суп, – сказал обер-фельдфебель через заиндевелый шарф.

Он присел к раскаленной печке, и, достав трубку, раскурил её, погружая себя в нирвану.

– Черт! Ты знаешь, как я замерз, – причитал он. – Не понимаю, как можно жить в этой стране, – обращался он, толи ко мне, толи к черной пустоте подвала. – Это просто какой-то кошмар....

– Господин обер-фельдфебель, камрады дивизиона озабочены, что у нас нет теплой униформы....

– Найди себе клочок шерстяной тряпки и не ной. Наши господа генералы знают, что делать. Два месяца назад, мы должны были быть в Москве, – с иронией в голосе продолжил Краузе. – Если бы не большевики, которые навалили нам в декабре под столицей, то сейчас, мы бы с тобой грелись в теплых московских квартирах.

Краузе докурил. Выбив остатки табака о край печи, и спрятал трубку в карман шинели.

– Ты сынок, меня извини.... Не мое дело вмешиваться в решение командования, но мне очень интересно Кристиан, за каким хреном тебя переводят, – спросил Краузе. – У нас не хватает людей. Это стало загадкой для всей батареи....

– Не могу знать? Я господин обер-фельдфебель, не ведаю планов наших командиров, и не знаю, что у них на уме.

– Вот и я не ведаю, – ответил Краузе, вздыхая. Здесь сокрыта какая-то тайна....

– Возможно, – ответил я.

– Может, этот перевод связан с твоей профессией? До призыва ты, где жил? Откуда родом, из каких мест?

– Из Тюрингии, из Ордруфа!

– Из Тюрингии!? Странно! Слушай, а какого черта, ты, затесался в нашу дивизию? Мы ведь Гамбургского призыва...

– Это господин обер-фельдфебель чистая случайность. Я бы сказал- банальная случайность! Я ведь уходил на фронт из Дессау. В то время я учился на художника. Мне пришлось на время уехать из дома, чтобы поступить на учебу. А после призыва, меня сразу направили в учебный батальон, который был сформирован из студентов. После учебного батальона, я очутился в Целле, на учебном центре. А уже оттуда был направлен на службу в восемьдесят третью дивизию.

– Эх, Тюрингия! Тюрингия – это сила! К сожалению, я ни разу не бывал в ваших краях, но слышал, что у вас, чертовски красивые места, – сказал Краузе. Он глубоко вздохнул. – Ты Крис, дурак, что попёрся на фронт. Сидел бы в своем Дессау, и лучше малевал бы рождественские картинки. А по вечерам ходил бы в гасштетт, или синематограф и щупал бы медхен за их аппетитные ягодицы.

– Я доброволец...

– Ну, и дурак, – ответил Краузе. – Черт, бы побрал, эти советы с их морозами и нашего фюрера, который думает, как за наш с тобой счет навалить Сталину огромную кучу! Мы уже второй месяц сидим в этой дыре, вместо того, чтобы идти вперед. Мне надоело! Надоело сидеть в этом каменном мешке в трехстах километрах от русской столицы и ждать, когда большевики доберутся до наших задниц и повесят нас всех за яйца.

– А вы господин обер-фельдфебель, где до войны жили...

– У меня в Гамбурге остались жена и дочь, – угрюмо сказал Краузе. – Хочешь, сынок, я покажу тебе их фотографии? Мне есть чем гордиться.

Он достал из внутреннего кармана портмоне и протянул мне пожелтевшую карточку.

– Ты Петерсен, даже не представить себе не можешь, я в вермахте служу с тридцать девятого года. С того самого дня, как сформировали нашу дивизию. Целых три года, оторванных от гражданской жизни. Целых три года, засунутых в глубокую жопу! Теперь по воле наших генералов, мы должны вместо теплой Франции, сидеть здесь на краю света и ждать, когда «Иваны» заморят нас как крыс.

– Я бы тоже так сделал, – сказал я. – Ведь не большевики пришли к нам, господин обер-фельдфебель, а мы на радость фюреру к ним приперлись.

– Кто будет спрашивать этих дикарей! Скоро Гитлер подбросит нам пару дивизий ваффен СС, и вы молодые, сильные парни пойдете дальше – до самого Урала.

– До Урала? А вы? – спросил я.

– А я останусь здесь! Мне сорок два года, а я уже дряхлый старик с простуженными легкими и отмороженными пальцами. А что будет дальше? Возможно я даже не переживу эту зиму...

После слов сказанных «батареиной мамашей», я словно отключился и уже не слышал того, что говорил мне Краузе. Я заморожено смотрел на его семейную фотографию и думал о своем доме – о том сказочном месте, где мне довелось родиться девятнадцать лет назад. С фотографии обер-фельдфебеля на меня смотрели счастливые лица. В тот самый миг в моей голове возник образ Габриелы.

Габи – так я звал соседскую девчонку. Ей было лет шестнадцать-семнадцать. Она была явно в меня влюблена и даже обещала ждать с фронта. Ощущение того, что ты кому-то нужен, согревало в эти лютые морозы лучше всякого большевистского «вшивника», которые мы находили в разбитых войной домах и надевали под униформу. Это был настоящий рай для «пар-

тизан». Так мы называли бельевых вшей, которые плодились с такой скоростью, что не было никаких средств побороть их, кроме прожарки в русской бане.

– Класные, и чертовски собой хороши....

– Еще бы, –с гордостью ответил Краузе.– Ты студент, не поверишь, –но моя Марта, была в молодости настоящей королевой. Она из Бельгии. Жаль, что тебя переводят в разведку. Так бы я тебе заказал нарисовать её портрет. Я даже могу заплатить тебе десять.... Нет – даже пятнадцать марок!

– Пятнадцать марок, – удивился я.

– Да, двенадцать марок, я бы дал! – стал торговаться Краузе. – А что тебя удивляет?

– Двенадцать марок и банка колбасного фарша. Я готов нарисовать портрет. Если меня не убьют, то мне деньги пригодятся. Может быть, когда-нибудь я поеду в отпуск.

– А ты Кристиан, славный мальй! Если бы тебя не перевели, я думаю, мы бы с тобой вполне поладили. После того как нас отсюда вытащат, у нас будет возможность отметить нашу фронтovou дружбу. Мы обязательно скрепим её бутылочкой доброго шнапса...

– Я готов...

– Так и быть, бери фото, да смотри сукин сын – не потеряй! Это единственное, что у меня осталось из воспоминаний о счастливых мирных днях.

Опасения Вальтера Краузе мне были понятны. У каждого из нас были личные тайны или даже вещи, которые служили «детонаторами» наших ностальгических настроений. Они были дороги и представлялись нам семейными реликвиями.

Я спрятал фотокарточку в жестяную коробку от леденцов со странным названием «Монпансье», которую нашел её в одном из разбитых домов. В ней я хранил всё: карандаши акварель и небольшие рисунки, которые умудрялся делать в минуты фронтového затишья. Это был мой маленький сейф, в который я прятал свой мир – мир без войны, без всего этого безумия. Это был мой «несгораемый шкаф», который хранил все мои ценности и память о днях, которые мне довелось прожить.

Вальтер Краузе не знал, да и не мог знать наперед, что через два года в июне сорок третьего, его семья погибнет под руинами собственного дома. Война придет и в наш дом. Английская многофунтовая бомба, разнесет родовое гнездо Вальтера Краузе до самого фундамента, оставив после себя глубокую воронку. Там, под грудой кирпича, она навсегда похоронит его жену, дочь и еще семнадцать человек, мирно почивавших в своих постелях. Обер-фельдфебель, никогда не узнает об этом. Вальтер погибнет ровно через месяц, во время прорыва блокады. Его мгновенно убьет раскаленный осколок русской мины. Рваный кусок железа, пробьет его голову насквозь вместе со шлемом. Мозги, словно желток из яйца вытекут через дыру на дно промерзшего окопа. На этом история его семьи, как и тысяч немецких семей будет навсегда прервана.

– А у тебя сынок, есть какая фроляйн? Ну, такая блудливая подружка, с которой ты в детстве играл в «доктора»?

В шутку за привычку все знать, все видеть и влезать во все дела нашей батареи, мы называли фельдфебеля –«длинный носом». Это было его хобби. Он хотел знать о своих подопечных всё – вплоть до постельных сцен.

– Нет! Я ведь еще молод. Пока не имею желания вешать на себя этот хомут. Если вдруг меня не убьют, тогда я обязательно женюсь, но только это будет потом. После нашей победы. Не хочу, чтобы моя фрау, сходила с ума. Мой отец умер задолго до войны – от воспаления легких. Кроме матери у меня нет никого. Хотя есть соседка. Её звать Габриела, – восторженно вспомнил я эту смешную девчонку с пшеничными косами и конопушками на её лице.

– Габриела? Габии!? – переспросил удивленно Краузе, – А ты засранец, говорил, что у тебя никого нет. Эх, студент – признайся честно, ты лжёшь старику Краузе?

– Габи, господин обер-фельдфебель, это просто соседка! Да, она молода, хотя и не дурна собой. Когда я уходил на фронт, ей исполнилось всего шестнадцать лет.

– Уже шестнадцать лет? Крис – ты глупец! Это именно тот возраст, который делает из фроляйн настоящую фрау. В этом возрасте их мокрые дырочки, которые мы так любим, покрываются нежными волосками. Они все не прочь испробовать, что такое любовь и с чем её кушают. Ты напоследок хоть «вдул» ей, или до сих пор мастурбируешь?

Слово «вдул» вызвало у меня внутренний смех.

– Нет – не «вдул» – не догадался, – сказал я, стараясь не засмеяться. Но это у меня не получилось, и я как назло, залился веселым смехом.

– Что ты ржешь – придурок! «Вдуть» – «вдуть», это самое первое дело, что должен сделать мужчина с женщиной. Если «вдул» – значит, ты её любишь, а не «вдул», так цена тебе, как самцу один пфенниг. Ты лучше скажи, что она тебе не дала, – засмеялся Краузе. – Это не беда Крис! Эти маленькие шлюшки очень быстро растут. Ты даже не успеешь моргнуть, как она во время ближайшего отпуска затащит тебя в постель. Вот тогда, ты «вдуешь» ей по самые яйца, – сказал Вальтер Краузе, и заржал, как батарейный мерин по кличке «Сталин».

– Я думаю, господи обер-фельдфебель, что этого не будет. Меня убьют, а Габриела найдет, себе какого-нибудь подстреленного офицеришку, и нарожает ему маленьких киндеров. А когда эти сорванцы вырастут, они будут кататься на моем велосипеде, который украдут из сарая.

В этот миг я вспомнил дом. Вспомнил сарай, где я впервые рисовал Габи совсем голую. Смешная симпатичная девчонка с рыжими волосками, которые совсем недавно появились на её девственной природе. Было смешно, но я купил её тело за всего за одну плитку швейцарского шоколада. Было это всего полгода назад. Я не знал, что окажусь здесь на восточном фронте. Ведь тогда я вполне мог уговорить её стать моей. Наверное, надо было ей «вдуть», как говорит Краузе. Вдуть – это, чтобы хоть иметь представление о том, что это такое. Я почему-то не думал, что мне придется идти на войну. А судьба, как всегда распорядилась по-своему. Теперь я здесь в России, в холодном окопе, а она там в Тюрингии.

– Думает пусть наш фюрер! – сказал Краузе. – Наша задача Крис, выжить, чтобы вернуться домой и отдать долг всем немецким фрау, которые к тому времени станут вдовами. На нас с тобой будет лежать печать ответственности за их оплодотворение.

– Нам господин обер-фельдфебель, будет не до немецких фрау. Лемке сказал, что поступил приказ прорвать эту чертову блокаду.

– Твой Лемке, собачье дерьмо. Ты больше его слушай. Он каждому вешает на уши спагетти, как говорят русские. А без поддержки – эти русские парни сделают из нас настоящий колбасный фарш и упакуют его в спичечные коробки – сказал обер-фельдфебель, натягивая перчатки. – Ну, что – ты готов?

– Так точно господин обер-фельдфебель, – готов уже целых полчаса!

– Ну, так давай, иди, попрощайся с камадами. Уже вечер, а нам тащиться, через передовую, будь она проклята, – сказал Краузе.

Я попрощался со своими друзьями. Взяв ранец и фанерный чемодан, я вышел на улицу следом за Краузе.

– Черт, черт, черт какой холод! Не хочется ползти к этому Крамеру. Но приказ, есть приказ. Старина Зюлов, ждет тебя, как второе пришествие Иисуса Христа.

Я шел следом за ним, стараясь не отставать, и постоянно пригибал голову, чтобы не светиться на фоне снега, перед прицелом русских снайперов, которых, как нам казалось, было столько, что они не давали нам свободно передвигаться.

В нашем районе пока было тихо. Где-то за рекой на западной стороне, где окапались большевики, слышался лай собак. До русских позиций через реку было около двухсот метров.

На каждое движение на нашей стороне, на каждый звук, эти вольные стрелки открывали прицельный огонь, как бы соревнуясь в количестве подстреленных целей.

В дни зимней блокады передвигаться по городу было опасно. Иногда разведка «Иванов» оказывалась там, где быть её не должно. Не смотря, на морозы и линию фронта, проходившую по льду реки, они каким-то образом, словно скользкие черви просачивались сквозь нашу оборону. Их полковая разведка хозяйничала в наших тылах, как у себя дома. Русские иногда умудрялись, устраивать среди наших блиндажей дьявольский шабаш, наводя смертельный ужас на перепуганных камрадов.

– Студент, ради Бога, только не высовывай башку – дерьмо собачье, – выругался обер-фельдфебель. – Мамаша Кристина утонет в слезах, когда узнает, что русские просверлили тебе череп для вентиляции мозга.

– Я знаю...

– Мне насрать, знаешь ты или нет... Я обязан тебе об этом напомнить...

Траншея линии обороны шла в полный профиль, прямо по самому берегу широкой реки. Она проходила так, что можно было продвигаться сквозь подвалы домов. От церкви святого «Николая», где квартировал мой расчет, до церкви святого «Илии», где находился штаб командира, было не более пятисот метров. Преодолеть этот участок по берегу было практически невозможно. Он был пристрелян целыми отделениями стрелков. Сегодня на западной стороне было тихо. Иваны, прибитые морозами, сидели в своих блиндажах и окопах, и пели песни под русскую гармошку. Иногда ветер доносил вместе с лаем собак эти звуки, а они почему-то навивали на нас жуткую тоску и чувство какой-то безысходности.

Вдруг на Севере города в километре за церковью святого «Илии», заработал станковый пулемет. За ним последовала минометная канонада. Все северное пространство окраины, очередной раз закипело огнем.

– Черт! Иваны! Они опять лезут на наши пулеметы! Сдается мне, что русские таким образом греются, – сказал Краузе и как-то обреченно засмеялся. Обычно так смеется человек, глядя в глаза смерти.

Вечером от новых боевых товарищей из разведки я узнал, что большевики вновь производили разведку боем. Это подтверждало предположение, что в ближайшее время можно было ожидать наступления русских.

– Ну, вот и пришли, – сказал Краузе, отряхивая свою шинель от кирпичной пыли. – Это их нора...

– Стоять, – послышался голос часового. – Куда прешь – пароль?

– Вена, – сказал Краузе. – У меня приказ генерала Зюлова. Этот парень, теперь будет служить в вашем подразделении – сказал обер-фельдфебель, показывая бумагу.

– Ну, тогда проходи, – ответил постовой. Он кивком головы указал на дверь, которая для сохранения тепла была оббита старым большевистским ватным одеялом.

Краузе спустился в подвал. В какой-то миг в нос ударил запах жареного мяса и затхлой от влаги амуниции. На ощупь, мы вошли в просторное помещение.

– Я доложу Крамеру о твоем прибытии, – сказал обер-фельдфебель.

От вкусных запахов в моем животе грянули литавры, и я почувствовал, как невыносимо, до иступления хочу есть.

В «хозяйстве» обер-лейтенанта Крамера было тепло. Дивизионная разведка с начала блокады шикарно обосновалась в этом помещении. В глубине церковного подвала горела печь, труба которой выходила в подвальное окно. На проволоке сушились зимние маскхалаты. В них разведчики ходили в рейды по большевистским тылам. Легендарный в восемьдесят третьей дивизии обер-лейтенант Крамер, сидел, возле печи, вытянув босые ноги. В свете керосиновой лампы было видно, как он блаженно курит сигару, и пьет коньяк. Он грел пятки, и прикрыв

глаза, о чем-то думал. На спинке командирского «трона» висел большевистский полушубок из добротной овчины с погонами обер-лейтенанта.

– Разрешите доложить, господин обер-лейтенант, – сказал Краузе.

– Ну, что у вас?

– Обер-фельдфебель, – сказал Краузе – Обер-фельдфебель Краузе... У меня приказ генерала Зюлова. Дальномерщик первого класса обер-ефрейтор Кристиан Петерсен переведен в ваше распоряжение, – сказал он, выпячивая грудь.

– Ну, и где этот бравый вояка? – спросил офицер.

– Хайль Гитлер, – выпалил я, вытягиваясь перед ним в струнку. – Обер-ефрейтор Кристиан Петерсен, – ответил я.

– Хайль, – ответил Крамер. – Ты, что ли будешь художник?

– Так точно, господин офицер....

– Господин обер-лейтенант, – поправил меня Крамер.

– Так точно господин обер-лейтенант....

Командир надел на босые ноги русские валенки, и накинув на плечи подтяжки, поднялся со своего командирского «трона». «Мама» Краузе, подал офицеру приказ о моем переводе. Офицер глянул на бумаги и небрежно кинул их на стол.

– Господа, – крикнул он, во весь голос, – в нашу фронтową семью наконец-то влился новый камрад. Его имя Кристиан Петерсен! Господа диверсанты, он студент художественной школы из Дессау. Боже, я две недели искал в этой дыре того, кто умеет держать в руках карандаш, – сказал Крамер. – Две недели назад, «Иваны» украли нашего картографа Фрица. А ведь я его предупреждал, что уединяться для мастурбации на передовой без боевого охранения нельзя. Большевики настолько хитры, что воруют «языков» прямо из наших клозетов. Через дыру в полу!

Мои новые камрады засмеялись, от удавшейся шутки офицера.

– Господин обер-лейтенант, обер-ефрейтор Петерсен, может еще и портреты рисовать, – заискивающе сказал Краузе. – Он ведь не только отличный художник, он еще и отличный шуцман!

– Он правду говорит малыш, – спросил меня офицер? – Значит ты, будешь нам рисовать голых фрау – шутя, продолжил Крамер. А в перерывах будешь охотиться из снайперской винтовки, за «Иванами».

Обитатели подвала вновь заревели от удавшейся шутки.

– Так точно, господин офицер, – сказал я. – Я умею рисовать. Что прикажете, то я и нарисую – будь то оперативные карты или голые фрау.

– О, этот туда же, – ответил Крамер, – А ты можешь что-нибудь показать? – спросил офицер.

Я снял ранец и достал из него свою знаменитую коробку. Вытащив рисунки, которые успел набросать в минуты фронтového затишья, я веером разложил их на столе. Затаив дыхание я замер в ожидании похвал. Мне хотелось услышать, что скажут о моем творчестве эти парни из дивизионной разведки. Камрады обступили меня, рассматривая рисунки. В подвале наступила гробовая тишина. Образы убитых людей. Свирепые лица солдат в условиях рукопашного боя. Раненые люди: без рук, без ног. Все это стало для моих новых однополчан настоящим шоком.

– Спрячь это Крис, и никому больше не показывай, – сказал Крамер. – Если у тебя мой однофамилец майор Крамер из контрразведки найдет эти картинки, то твоя солдатская карьера продолжится в штрафном батальоне в Кривке. У тебя, черт подери есть талант, – сказал офицер. – Скажу по-правде, я теперь ничуть не жалею, что Фрица украли русские диверсанты. От него все равно не было никакого толка. Если «Иваны» его не прибьют, и он останется жив, значит, на свете есть Бог, который бережет его.

Я смолчал. В ту минуту я понял, по какой причине меня из панцергренадеров перевели в разведгруппу. Краузе, что-то говорил мне об этом и раньше, но его предположения были далеки от решения командования. А командирам всегда было что-то известно больше чем нашей батареейной «маме». В тусклом свете керосиновых горелок я рассмотрел почти всех разведчиков. Как мне показалось, они недавно вернулись из рейда. Я видел, что они сосредоточены и это вселяло в мое сердце надежду и придавало уверенность.

Незаметно весь взвод перебрался к столу. Парни рассматривали мои рисунки, а заодно и меня, словно я был не бравый гренадер седьмой батареи, а маркитантка из полевого борделя.

– Что стоишь студент, – спросил офицер, – давай, иди сюда ближе к печи –погрейся. Я вижу, ты продрог до самых печенок. Потерпи парень, пару дней – мы подыщем тебе настоящий егерский анорак на гагачьем пуху....

Я посмотрел на фельдфебеля, желая услышать его подтверждение поступившей команды.

– Ну, что ты, уставился на меня, – сказал Вальтер Краузе, –делай то, что тебе говорит твой новый командир.

Я, в тот момент словно остолбенел. Какое-то странное оцепенение сковало мое тело, и я продолжал стоять смирно. Негодуя, я смотрел, то на Крамера, то на обер-фельдфебеля и не мог понять, чьи приказы теперь мне исполнять.

– У нас, что теперь новый картограф, – услышал я голос, который неожиданно появился из глубины черного подвала.

– Да, Генрих, он будет служить вместо недоноска Фрица, – ответил Крамер.– Две недели искал в этом дерьме парня, который умеет держать в руках карандаш. Так, что камрады, в честь новичка предлагаю оросить наши кишки шнапсом, –сказал офицер, и поставил на стол бутылку зеленого стекла.

Пить вино и шнапс, никого не нужно было уговаривать. Парни радостно загудели и с каким-то энтузиазмом потянулись к своим заначкам, вытягивая из своих ранцев и сухарных сумок неприкосновенный запас. Шпик, банки с колбасным фаршем и даже русская тушенка со стуженным молоком украсили рабочий стол. За какие –то пару минут боевой блиндаж превратился в импровизированный фронтовой кабачок, с играющим граммофоном и поющими сверчками.

Скинув с плеч ранец, я достал банку консервированных сосисок, и вдохновлённый общим настроением, приобщил эту долю к торжественному застолью.

– Да обер –фельдфебель –вы свободны, –сказал офицер. –Можете вернуться в свое расположение. Доложите обер-лейтенанту Фрике, что обер –ефрейтор Петерсен, переведен в штат дивизионной разведки на должность картографа.

– С вашего позволения господин обер –лейтенант, я немного погреюсь, –сказал Вальтер. Он достал трубку, и набив её табаком, закурил. –На улице парни жуткий холод. Я настолько продрог, что готов остаться у вас до самой победы, – сказал усталым голосом Краузе.

– Ты Вальтер, не исправимый лгунишка! Скажи прямо, что хочешь выпить шнапса и побаловать брюхо жирным русским шпиком.

– Хочу! Да, хочу господин обер-лейтенант! Мы панцергренадеры народ простой. Нам скажут пить шнапс, мы пьем шнапс.... Нам скажут стрелять по «Иванам», мы будем стрелять.... Нам скажут идти домой – мы уже завтра бросим наши пушки и пойдем домой к своим фрау....

– Мартин, –налей и фельдфебелю шнапса! Пусть выпьет за здоровье нашего нового камрада да проваливает в свою батарею. Здесь не ресторан «Метеора», чтобы устраивать мальчишники для всего полка.

Мартин, как звали одного из разведчиков, налил, в железную кружку русской водки и подал Краузе.

Обер-фельдфебель лукаво улыбнулся. Он, взяв кружку, сказал тост:

– За наше здоровье! За победу, камрады!

Он выпил сталинской водки и, крикнув в кулак, подхватил со стола бутерброд со шпиком.

– А вы, камрады, тут не дурно устроились, – сказал Краузе. – Хотел бы просить вас, побережь этого парня. Он еще девственник, а у девственников после войны будет великая миссия.

– Какая миссия, – спросил, обер-лейтенант.

– Нам предстоит, оплодотворить немецких вдов, которые потеряют мужчин на фронте, – сказал обер-фельдфебель и заржал.

Камрады засмеялись так, что часовой, открыв двери, посмотрел, что произошло в расположении.

Обер-лейтенант бросил в Краузе пустую банку из-под сосисок и сказал:

– Иди ты Краузе к черту! Ты неудачно шутишь?

– А что! Я что –то не то сказал, – сказал Вальтер Краузе. – Это настоящая, правда –он еще ни одной девки не попробовал за свою жизнь. Скажи им Крис.

– Это правда? – спросил меня Вальтер Крамер. – Ты еще не трахнул ни одной девки?

– Так точно, господин обер-лейтенант, ни одной. Я ни разу, не пробовал, как это «вдуть» какой-нибудь медхен...

– Парни с нами фортуна – среди нас девственник! Это хороший знак! Удача не оставит нас на этой войне!

Камрады дружно засмеялись и, чокнувшись кружками, испили шнапс до дна. Я выпил и почувствовал, как шнапс прокатился по моим кишкам, разогревая околевший и голодный организм. Через несколько секунд алкоголь, словно разрыв фугаса, ударил в голову. Керосиновые лампы раздвоились и поплыли во мраке церковного подвала, закручиваясь каким-то калейдоскопом. Алкоголь придал голове приятное головокружение. Я закрыл глаза и почти заснул, погружаясь в атмосферу грез и сновидений.

– Эй, студент, ну-ка не спать, – прокричал мне Крамер. – Ты малыш, чаще закусывай! Ешь все, что видишь! Здесь тебе не голодная артиллерийская батарея – здесь парень, дивизионная разведка! Здесь и с кормежкой полный порядок, и выпивки хватит на всех и надолго.

Мартин подал мне краюху хлеба и целый котелок первоклассной, тушеной говядины. Такой еды я не видел с тех пор, как мы вошли в Велиж. К рождеству в городе, наступили перебои с продовольствием. Обозы интендантов и служб снабжения, идущие с тыла по витебскому шоссе, постоянно попадали в руки большевиков. Иваны сжимают кольцо вокруг города, что заставляло нас ту же затягивать пояса. На первых парах нашей оккупации города продукты можно было даже купить или выменять у местного населения. По приказу командира дивизии нам категорически было запрещено отнимать продукты питания насильно, чтобы не склонять русских к дикой партизанщине. Но с приходом холодов, интенданты активировали свои акции по изъятию продовольствия. Им было плевать на приказы командования, им хотелось кушать и кормить боевые подразделения, занятые в обороне города.

«К каждой свинье фельдполицая не поставишь», говорили «хомяки» и каждый день выходили на свой мародерский промысел.

– Кушай, кушай студент – у нас этого мяса много! Мои парни пару дней назад во время рейда нашли в тылу «Иванов», подорвавшуюся на mine корову. За пять минут мы нарезали килограмм шестьдесят мяса. Так, что голодать у нас не придется.

Весельчак Мартин, снова налил мне шнапс. Выпив, я окончательно погрузился в состояние какой-то одурманивающей дремы. Пока мои камрады поднимали тосты, я прибитый алко-голем крепко заснул. Очередной раз, проснувшись, я вспоминал о еде и с новой силой наваливался на гуляш. Служба в батарее истребителей танков дает о себе знать. Пока я дремал, обер-фельдфебель докурил свою трубку и спрятал её в карман. На прощание он пожал мне руку.

– Давай сынок, держись! – сказал он. – Как договорились, я через пару дней навещу тебя.

– Ах, да, вспомнил, – я вспоминаю, что обещал нарисовать Краузе портрет жены:– Я обязательно сделаю. Желаю вам, удачи господин обер-фельдфебель!

Краузе завернулся в шарф и молча, покинул подвал, в предчувствии погружения в морозные ванны.

В эти дьявольские дни, когда русская авиация утюжила наши укрытия, когда мороз косил нас сильнее вражеских пулеметов. Нервы были на пределе, и мы от собственных неудач срывались по любому пустяку. Было достаточно плохого слова, или даже косога взгляда, как в ход шли кулаки. Но сегодня впервые за несколько недель нам было весело. Играл трофейный граммофон, и обер–лейтенант Вальтер Крамер разрешил нам выпить, чтобы разрядить нервное напряжение и поднять иссякающий боевой дух.

Уже скоро гуляние закончилось и мои новые камрады расползлись по своим спальным местам.

– Ну что Петерсен, пришла пора послужить делу великой Германии...

– Я готов, господин обер –лейтенант... Приказывайте, –сказал я, стараясь привести себя в норму.

– Мне хотелось знать, как ты малыш, представляешь себе нашу службу, –спросил офицер, закуривая очередную сигару.

– Я солдат! Я господин обер-лейтенант выполняю то, что мне приказывает командование. –Я готов умереть ради родины и нашего фюрера если это ему нужно ради нашего отечества.

– Ты глупец! Тебя Петерсен ни кто, не просит умирать ради родины и фюрера! Тебе это делать не надо. Для этого есть другие... Твоя задача – рисовать. Рисовать карты, рисовать огневые точки противника. Фиксировать на картах передвижение войск и смену позиций. Ну, а в свободное время, которого у тебя теперь будет навалом, можешь рисовать для камрадов голых баб. Только не рисуй того, что ты нам показывал. Это камрад война. А на войне не всегда ты можешь делать то, что ты хочешь. Найди твою мазню штурмбанфюрер Крамер, и тебе однозначно придет конец. Запомни, война с русскими, это тебе не вечерняя прогулка по Унтер ден Линден. Запомни малыш, – русские –это не французы, и даже не поляки. Убить русского невозможно. Русский мертв только тогда, когда похоронная команда зароет его в землю на глубину лопаты. Даже непогребенный, русский солдат опаснее живого. Истекая кровью, многие «Иваны» выдергивают чеку гранаты и ложатся на неё. Так погибли многие наши парни из похоронных команд. Перевернув труп, они подрывались на таких вот русских «сюрпризах». Ты разведчик, и твоя жизнь принадлежит не фюреру, а мне. Я твой командир! Ты понял меня малыш?

– Так точно, – ответил я, стараясь вникнуть в новые реалии.

Вальтер Крамер хоть и был под парами алкоголя, но уверенно привстал со своего командирского «трона». Я вскочил следом, как учили меня в учебной роте.

– Запомни студент, мы теперь одна семья! Твои новые камрады все с первого дня на восточном фронте, – сказал Крамер, и, хлопнув меня по плечу, скрылся в дверном проеме.

– Слушай новенький, теперь это твое место, – сказал мне Мартин. –Тут можешь положить свои вещи. Раньше здесь спал Фриц Гонне, которого украли большевики... Располагайся и будь, как дома в рождественскую ночь.

Я кинул ранец и осмотрелся: некоторые камрады разведывательной группы дремали после прогулки по русским тылам. Кто–то писал письма, а кто–то, вооружившись иглой и ниткой, в свете керосиновой лампы ремонтировал порванную в рейде униформу. Вся суэта придавала старинному подвалу какое-то особое фронтовое настроение.

Первое мое ощущение, было каким–то неоднозначным. Из гранадеров попасть в разведку было чем–то фантастическим и даже не реальным. Я был наивен и еще многого не понимал в этой проклятой войне.

Сейчас, когда я пишу строки этой книги, я осознаю тот факт, что мне в этой жизни просто повезло. Я остался жив и это главное достижение моей жизни. Я выжил в этом пекле и я думаю, что это был господний промысел. Бог, точно знал, что в конце моей жизни мне предстоит взяться за перо. Он оставил меня жить ради того, чтобы рассказать людям о том, что довелось пережить не только мне, но и всему немецкому народу. Я тогда еще не знал, что моя встреча с отчим домом затянется на целых восемь лет, и эти восемь лет я проведу здесь в России. Это еще будет впереди, а пока – пока шел сорок второй год. До конца войны еще было тысяча дней и ночей.

Раскаленная докрасна печь заполнила теплым воздухом все пространство церковного подвала. В этой обстановке жутко хочется спать. Усталость подобно болезни подкрадывается к каждому из нас и валит с ног, несмотря на яростные атаки противника. Правда, прибытие транспорта, который на малой высоте сбрасывал нам боеприпасы, оружие и хлеб все же при-нуждало к бодрствованию и ожиданию чуда. Наши «Юнкеры» почти каждый погожий день и ночь доставляли по воздуху грузы, чтобы хоть как-то спасти гарнизон от полного истреб-ления и голодного вымирания. Любой промах асов Люфтваффе приводил к тому, что наши письма, продукты и посылки доставались озлобленным «Иванам». Каждый такой неудачный сброс создавал настоящий праздник в стане врага, и было слышно, как они пьют наш шнапс, едят наш хлеб и консервы, и даже читают письма от наших жен и матерей. Да, тогда это была привилегия более удачного, вот поэтому многие, несмотря на жуткую усталость и голод, не спали. Камрады ждали наших ангелов –спасителей, прислушиваясь к любому звуку извне.

После двух суток без сна меня мгновенно сморило. В тепле подвала я уснул, оставив за собой все тяготы прожитого на фронте дня. Мне снились улицы моего города, цветущие каштаны и веселый взгляд матери, которая так не хотела, чтобы я уходил на фронт. Мысленно я писал ей письма, а уже потом в минуты отдыха эти мысли переносил на бумагу.

Крамер был опытным и мудрым офицером. Он любил Германию, но ненавидел нацистов, которые развязали эту войну. Он точно знал, какую цену мы заплатим, когда русские сломают нам хребет и войдут в Германию, чтобы уничтожить, родившийся там нацизм. Из разговоров с обер-лейтенантом, я находил для себя все новые и новые открытия и немного стал соображать, что наше присутствие в России обернется для нас огромными неприятностями.

Наш гарнизон уже месяц был в окружении. Нам верилось в то, что состоится чудо, и русские нас выпустят из кольца, расстелив перед нами ковровые дорожки. А возможно, обер-лейтенанту Крамеру хотелось знать, насколько я обстрелян, и что собой представляю, не как художник, а как солдат. На фронте я был всего три месяца и у меня был достаточный опыт выживания в экстремальных условиях. Мне было уже не так страшно, как впервые дни службы, когда я умирал по двенадцать раз за день. Многие из моих боевых камрадов сложили головы, но этот рок обходил меня стороной, словно я был заговоренный самой матушкой Холли. К моему удивлению, я был жив, бодр и здоров.

Глава вторая

Первый рейд

Вечером 6 февраля 1942 года полковник Зинцингер, вызвал обер-лейтенанта Крамера к себе на КП. В течение часа он проводил совещание офицеров нашего полка, на котором довел приказ командующего армии «Центр» и поручил разведке достать языка из числа офицеров противника.

– Герр полковник, согласно данных севернее города русские сосредоточивают крупные силы четвертой армии генерала Курасова. Нам важно знать, будут ли большевики наступать с Севера. Приказываю вашему разведывательному подразделению выйти на рубеж соприкос-новения с противником и перейти линию фронта для пленения «языка». Желательно из офи-церского состава.

– Есть, герр полковник, разрешите идти? Хайль Гитлер! – говорит

Крамер. Он хочет шелкнуть каблуками, но из этого ничего не получается, на его ногах надеты русские сапоги из овечьей шерсти. «Иваны» называют их валенки, и в них было удивительно тепло.

– Давай, сынок, по данным нашей разведки, русские планирую большое наступление на 29 января 1942 года. Нам сейчас, как никогда нужна удача, да поможет вам Бог! Ты можешь спасти сотни жизней наших солдат, если доставишь хорошего матерого комиссара.

Валтер Крамер, поднимая клубы пара, ввалился в подвал. Он словно гаупт-фельдфебель просвистел в свисток, объявляя подразделению общий сбор.

– Так, господа разведчики! Сегодня ночью, нам предстоит перейти линию фронта. Папаша Зинцингер дал нам сорок восемь часов, чтобы добыть русского «языка» и вернуться в гарнизон. Прошу отметить в ваших ржавых мозгах, что это приказ самого фельдмаршала фон Бока. Через три часа все должны быть готовы, форма одежды трофейная. Рано утром когда «Иваны» начнут штурмовать нашу передовую в районе Верфштрассе, у нас будет возможность выйти в тыл противника, используя скрытые саперные галереи. В районе деревни Ястреб, которая находится во второй полосе обороны, нам предстоит оборудовать укрытие до проведения акции. Оружие трофейное! Унтер–офицеру Рудольф Уве, тебе поручается главная роль. Ты сегодня будешь русским пленным комиссаром. Остальных особо касается, мне не нужны сюрпризы, как в прошлый раз. Помните парни, вы должны не просто прикидываться русскими. Вы должны ими быть. Все нужно сделать, это тихо и без потерь вернуться в полном составе. Всем готовиться! На сборы двенадцать часов. Выступаем за три часа до рассвета.

Самое интересное, что сборы в тыл противника всегда имели определенный ритуал, и никто никогда не нарушал его, от четкого соблюдения правил зависела удача нашей вылазки, и Крамер всегда сам проверял полную готовность.

После трехчасовых сборов в подвале церкви собралась вся дивизионная разведка. Камрады стояли в шеренге, уже ничем не отличаясь от большевиков. Те же изможденные лица, та же униформа, стеганные ватные куртки, валенки, белые маскировочные халаты. Весь этот камуфляж, должен был скрыть наш отряд в тылу большевиков. Если бы не приказ полковника, о разведывательной операции, нас вполне мог расстрелять любой пулеметчик или ближайший блокпост.

Мне как самому молодому досталась форма русского лейтенанта. Я впервые, облачившись в большевистскую униформу, был готов как морально, так и физически. Неделя хорошего отдыха и калорийное питание поставили меня на ноги. Уже к началу операции я чувствовал себя как стайер, в предвкушении долгожданной олимпийской победы.

Разведчики, задорно смеялись, глядя, как толстяк Уве перешел на свою излюбленную тему. Закурив трубку, он стал расхаживать по подвалу и корчить из себя Сталина, который якобы просит Гитлера о перемирии. Он делал это так артистично, что мы катались от смеха.

– Кристиан, ты очень похож на молодого большевика, если бы ты знал русский, тебе бы цены не было! – сказал Уве.

– Если бы я знал русский! Я бы сидел в ставке в Берлине или работал бы на радио под крылом рейхсминистра по пропаганде. Пил бы черный кофе на Вильгельм штрассе, а не ползал бы с вами по тылам большевиков в поисках приключения на свой арийский зад.

– Да, старина, ты прав! Знание языка врага делает нас не уязвимыми и сильнее в несколько раз, если смотреть на нашего командира, то в нем чувствуется что–то такое русское. А про русских женщин я и говорить не смею. Они фантастично хороши, – сказал Уве, раскуривая трубку.

– А как же приказ командующего!?

– Какой приказ – ничего не знаю!?

– Приказ о том, чтобы не было никаких сношений со славянами, ты его игнорируешь!? – спросил я, намекая на последствия.

Толстяк засмеялся. Он достойно ответил, да так громко, чтобы дошло до всех.

– Тебе, Кристиан, фюрер, зачем выдает презервативы? Ты думаешь, для того, чтобы беречь дуло своего «Маузера» от песка и грязи!?! Нет солдат – фюрер нам дает презервативы, чтобы мы берегли свои «гаубицы»! Ты же не враг своему здоровью?

В подвале грянул гром смеха, и чувствовалось, что мы еще не совсем потеряли боевой дух, раз проскакивали такие заковыристые шуточки.

Время подходило к вылазке, но так не хотелось покидать теплый подвал. Радовало одно, что мороз немного начал отпускать, да и большевики в утренние часы бдительность не проявляли – это была их национальная черта. Можно было, переодевшись в форму красноармейца, беспрепятственно пройти к ним в тыл и точно так же легко вернуться назад если не подорвешься на собственной mine. По данным нашей разведки только утром с восходом солнца, русские снова предпримут штурм под прикрытием танков. В это время мы должны быть в нескольких километрах от линии фронта.

Вся группа во главе с Крамером на лыжах выдвинулась на боевые позиции в районе Нордштрассе, где утром должна была начаться разведка боем. Эти ежедневные выпады большевиков были лишь прелюдией большой «войны», которая должна была наступить неожиданно еще до подхода десятой бригады под командованием генерал-майора Клауса Мюллера – Бюлова и двести пятой пехотной дивизии.

В районе городской больницы в воздух взвилась зеленая ракета. «Иваны», несмотря на потери, снова заорали «Ура» и пошли в атаку. Во время вспышек разрывов снарядов и мин были видны силуэты наступающих, которые короткими перебежками приближались все ближе и ближе к позициям третьей и седьмой роты, где командовал лейтенант Яшке. Огня пока никто не открывал, давая большевикам подойти до расстояния одного броска, а это около 50 метров.

Каждый солдат своей промерзшей на русских морозах кожей ощущал наступление врага, и уже был готов встретить его во всеоружии, примкнув штыки к карабинам. Как только шеренга наступающих, приблизилась к первой линии обороны, прозвучал одиночный выстрел из карабина. Это стрелял лейтенант Яшке. Он подавал условный сигнал камрадам. В одно мгновение огонь из стрелкового оружия превратился в сплошной гул. В этот момент, сразу из нескольких мест заработали наши пулеметы и минометы, не которые, не давал, ни одного шанса на прорыв нашей обороны. Русские, моментально не поднимая голов, зарылись в снег. Вполне достаточно было продержаться их на морозе около часа, как они начинали примерзать к земле, чтобы стать жертвами этого смертельного колеса крушащего человеческие жизни и судьбы.

Верфштрассе и Нордштрассе превратились в ад, огонь клубком катался между русскими и нашими позициями, а пули со свистом проносились мимо. В тот миг казалось, что земля просто кипит от огня. Разрывы минометных мин перемешивались с взрывами артиллерии, которая била по «Иванам» прямой наводкой. Шрапнель с такого расстояния разрывала их тела на части, а живым она не давала поднять голову. В одно мгновение атака русских захлебнулась. Через час исход боя был окончательно предрешен. Очередное наступление русских было отбито силой стрелкового оружия и стойкостью немецкого духа.

Крамер, сделав знак рукой, и держа наготове оружие, мы переползли нейтральную полосу, минуя по саперным галереям передовую русских. Пройдя в тыл к большевикам, мы надели лыжи и прикинулись разведгруппой, выходящей из рейда. Впервые мне довелось оказаться за спиной врагов. Сказать честно – было немного не по себе. Используя складки местности, и лесной массив скрывавший дозорные разьезды советов, мы через два часа оказались в двенадцати километрах от линии фронта.

Вторая линия обороны просто кишела русскими, и любая оплошность могла поставить жирную точку на нашей группе. В то время ничего не оставалось, как доверить свою судьбу командиру. Крамер один из тех, кто на этом фронте был не новичком. За все время войны с

русскими он не просто изучил национальные повадки. Он был самым русским. Удача всегда была его спутником. Обер-лейтенант в свободное время читал русские газеты, книги и слушал русские пластинки, восхищаясь, величиим культуры славян и всегда был в курсе последних событий. Не было того дня, когда бы он, не присутствовал на допросах пленных, которые сдавались в плен десятками и сотнями. Вот эти знания не один раз спасали жизнь нашей группе. Вальтеру Крамеру достаточно было выругаться русским матом, как у «большевиков» сразу же пропадал интерес. Эти слова подобно универсальному паролю имели магическое действие, и почти всегда это беспрепятственно срабатывало.

Так и сегодня, переодевшись в русскую униформу и маскировочные халаты, мы тащили связанного немецкого майора, инсценируя армейскую разведгруппу выходящую из тыла противника. На отклики охранения с требованием пароля, Крамер, словно «Везувий», изрыгал такое количество бранных русских слов, что охрана смеялась. Видя наши уставшие и заросшие щетиной лица и «подсадного майора» со связанными руками нас пропускали в тыл, обеспечивая новым паролем.

Порой мне казалось, что помогает нам Бог. Он прикрывает своей незримой защитой, чтобы вновь и вновь мы возвращались «домой» с огромной удачей.

Пробраться в тыл русских было не самым опасным. Опаснее всего было спрятаться, и выждать нужный момент, чтобы подкравшись как пантера, броситься на врага и в мгновение ока нейтрализовать его. Нам везло – русские подойдя к городу не успели укрепить свои позиции. Только два дня назад в составе трех стрелковых полков и 48 стрелковой бригады они подошли по ротации перед наступлением. Измотанные переходом, а после боями местного значения, «Иваны» продолжали какое-то время еще штурмовать город. Наша авиация работала круглосуточно и имела такое преимущество, что «сталинских соколов» было почти не видеть. «Юнкерсы» и «Фокевульфы» висели в воздухе постоянно, сбрасывая на головы большевиков не только бомбы, но и всевозможные бочки и даже куски железных труб. Дьявольским свистом они заставляли «Иванов» прятаться в укрытия. Вот в такой обстановке приходилось делать рейды по тылам большевиков, рискуя попасть в руки подходившего подкрепления, или же нос к носу столкнуться с боевым охранением, которое на лошадях перемещалось вдоль линии фронта.

– Кристиан, ты хочешь получить «Железный крест», – сказал мне обер-лейтенант, что-то высматривая в бинокль. – Давай студент, пришел твой звездный час. Вон гляди, идет какой-то русский по всему видно, что военный. Направляется на передовую!

Крамер, взял меня с собой, а сам двинулся по дороге навстречу, разговаривая со мной по-русски. Я вообще не понимал ни слова, но я играл свою роль, повторяя раз от разу одно слово – Да, которое я выучил почти без акцента. В наших действиях был определенный риск, но тогда мы уповали только на Бога, но и на удачу. В любой момент на дороге мог показаться дозор или проехать машина. Наша вылазка в тыл врага могла закончиться пленением или даже смертью. Хотя я знал, что за спиной были мои товарищи по-оружию и они в любой момент могли броситься на помощь и ввязаться в кровавую драку – нервная дрожь трясла меня как травинку на ветру.

Крамер поравнялся с русским и просто попросил у него прикурить. Я стоял по правую руку, и, постанывая, делал вид, что ранен.

«Иван» улыбался и даже шутил с Крамером. Он не подозревал, что мы совсем не те за кого выдаем себя. Русский достал мешочек с табаком и, скрутив мне самокрутку, он даже прикурил её для меня, сопереживая за мое «ранение» руки, которое было искусно закамуфлировано бинтами. Продолжая разговор, он расстегнув ширинку, и стал мочиться на обочину дороги. По выражению лица лейтенанта я понял, что этот русский ничего не знает. Он только, что прибыл из госпиталя и направляется в расположение стрелковой роты 334 стрелковой дивизии, которая сосредоточилась севернее города.

Он попрощался и ушел, пожав руку Крамеру.

– Герр обер–лейтенант, почему мы не пленили этого «Ивана»? Удача сама плыла, нам в руки? – спросил я, удивившись с какой легкостью Крамер отказался от добычи.

– Студент, поймать хорошего русского, это как поймать хитрую и умную рыбу. Этот сержант только, что прибыл из госпиталя, он ничего не знает о планируемых мероприятиях, и для нас он никакой пользы абсолютно не представляет.

– Я думал, что мы уже можем возвращаться с «языком».

Я тогда не знал я, что нас впереди ждут такие приключения, которые мне запомнятся на всю жизнь.

– Ты, обер–ефрейтор не спеши! Нам нужен, матерый комиссарище. Желательно, чтобы это был офицер штаба, а не сержант пулеметного взвода. С него как с козла молока.

Я удивился, не поняв славянского юмора. Козлы ведь не дают молока. Лишь после того как Крамер сказал о значении этой поговорки, я засмеялся.

– Да, с козла молока не надоишь. Хорошее выражение.

– Соображаешь, студент! Ты учи русский, нам же предстоит долгая война. Сам видишь – Гитлер, недооценил противника и это только начало нашего кошмара.

В тот момент я уже видел в глазах обер–лейтенанта странное разочарование и даже сожаление. Но шаг был сделан, а обратного пути у нас не было. В его голосе, в его интонации было видно и даже слышно, что он сомневается в победе Германии. Нет – это не была потеря боевого духа. Это было абсолютное знание психологии и повадок противника, с которым он прожил долгие годы. И с которым имел возможность дышать одним воздухом. Это дорого стоило. Русские вопреки всем прогнозам фюрера дрались за каждый дом, за каждую улицу, за каждый метр своей земли. Они умирали сотнями и даже тысячами. И мы чувствовали и знали, что они будут стоять до последнего солдата.

В то время я старался впитать в себя все то, что говорил мне Крамер. Я заморожено смотрел на этого бравого служаку, стараясь постигать нелегкую науку солдатской жизни. Позже эти знания не один раз спасут жизнь мне и моим товарищам. А сейчас, мы лежали в лесу, зарывшись в снег, и ждали своего часа. Пронизывающий до костей ветер нес снежную поземку, которая засыпала нас, скрывая от глаз недремлющего врага. По дороге в сторону линии фронта ехала легковая машина. Свет фар еле освещал дорогу впереди неё.

– Камарады, схема работы прежняя – наш «художник» тяжело ранен и еле передвигает ноги. Ганс, на прикрытие по левому флангу. Уве, идешь с нами. Сценарий банально прост – ты офицер, которого ведет полковая разведка. Я за старшего – работаем тихо!

Мы вышли метров за двести перед русской машиной. Впереди нас еле переставляя ноги, шел Уве. Он бесподобно играл пленного офицера, скрывая под шинелью заряженный «Р–38». Следом за ним, изображая советских разведчиков, шли мы с Крамером, держа на мушке «подсадную утку». Я артистично ковылял, опираясь на импровизированный костыль. Это было необходимо, чтобы вызвать в душе «собратьев» сострадание. Наше оружие было наготове и нам было неизвестно, что на уме у того, кто ехал в машине. Когда легковушка подъехала к нам ближе, лейтенант поднял руку. Машина остановилась. Из открытой двери автомобиля показалась голова водителя, который спросил:

– Вы кто?

Обер–лейтенант Крамер, сказал чисто по–русски:

– Капитан Сергачев, полковой разведка 360–й стрелковой дивизии. Мы ведем немецкого языка в штаб. Во время выхода из немецкого тыла, «Фрицы» ранили молодого лейтенанта в ногу и руку. Ему срочно необходима перевязка. Он потерял много крови.

Внутри машины кто–то зашевелился. Водитель спросил разрешения и вышел на улицу. Уве, выстрелил из «Вальтера» шоферу в лицо. Кровь фонтаном вместе с мозгами брызнула на снег. Солдат умер мгновенно и повалился на дорогу, дергая ногами в смертельных конвуль-

сиях. Обер–лейтенант Крамер, направив автомат на майора. Животный ужас охватил офицера штаба, и он беспрекословно подчинился. Вместе с Мартином Лидке я стянул убитого «Ивана» в кювет и присыпал снегом. На это ушло не более двадцати секунд.

– Студент, в машину за руль, – проорал мне Крамер.

Я запрыгнул в машину на место водителя.

– Слушай внимательно Кристиан... От этого зависит, прорвемся мы или нет. Ты ведешь машину, я отвечаю на все вопросы охранения. Молчи и ничего не говори.

– Мы что едем к линии фронта в город, – спросил я командира.

– Нет, студент, мы идем пешком и тащим за собой майора. Ты хочешь чтобы «Иваны» шли за нами на лыжах, чтобы отбить эту жирную русскую свинью?

Я знал, что вся местность вокруг города набита русскими. Здесь было сосредоточено, столько войск, что прорваться через линию фронта не представлялось возможным, но я верил командиру.

Тем временем пока мы обсуждали план прорыва, наши камрады ушли по запасному маршруту, который был в планах отхода. Я тогда впервые испугался.

Крамер, в отличии от меня, чувствовал себя как в своей тарелке. Он был русский и немец в одном лице, и этот факт делал его не уязвимым. Я видел, как он изъясил у советского майора все документы. Спрятав их во внутреннем кармане, он приказал мне ехать. Хладнокровие лейтенанта вернуло мне боевой дух и я обратив молитвы к господу– тронулся, полагаясь на командира, как на господа.

– Так студент, за тем лесом через пять километров будет пост охранения. Подъезжаешь к шлагбауму и останавливаешься. Все вопросы решаю я. Твоя задача во время давить на газ и слушать мои команды, – сказал Вальтер Крамер и тронул меня за плечо.

Майор, опасаясь за свою жизнь, рассказал обер–лейтенанту, все пароли, которые были в то время ему известны.

Подъехав к шлагбауму, я остановился. Сержант, держа автомат наготове, подошел, к машине и, посветив через стекло, спросил:

– Ваши документы.

Крамер знал порядок проверки документов. Он дружелюбно улыбнулся, и подал их каральному.

– Тыловое обеспечение, – спросил он, развернув бумаги.

– У вас какие – то сомнения – сержант, спросил Крамер. – Разверните командировочное предписание. Мы в штаб – интендантская служба 108 дивизии.

– Пароль – спросил сержант, освещая машину фонариком.

– Яуза, – сказал спокойно Крамер.

– Угра, – ответил сержант, и вернул документы. – Сидор, открывай – документы в порядке, – крикнул он часовому и тот поднял шлагбаум. Я облегченно вздохнул и почувствовал, как по моей спине промеж лопаток пробежала струйка пота.

Советский майор даже не ожидал, что окажется в плену. До последнего момента он не верил в то, что попал в лапы немецкой разведгруппы. Страх за свою жизнь, который испытывал этот комиссар, заставил его сказать нам все пароли. Машина, объезжая дозоры, приблизилась почти к самой линии фронта. До наших позиций оставалось около километра, и они были самыми опасными. Я думал, что Крамер прикажет мне давить на газ, но он молчал. Рывок на легковом автомобиле по минным полям без проходов и через линию обороны мог совершить только безумец.

Сделав инъекцию, сонным препаратом советскому майору, он перевел его в состояние глубокого сна.

Выскочив из машины невядалеке с полевым медсанбатом он, приказал мне молчать. Перебинтовав мне горло, он заставил меня прикинуться раненным в шею, чтобы избежать лишних расспросов.

Крамер был виртуоз разведки. Через двадцать минут, меня и русского майора санитары грузили в грузовую машину, чтобы срочно доставить в полковой лазарет. Я не понимал замысла командира, но всецело доверял ему.

Что было после, я вспоминаю с трудом.

Во время артиллерийской подготовки обер-лейтенант Крамер я и майор, оказались в полосе между двух огней. Минометчики нашего полка закидали территорию врага дымовыми минами, и нам удалось, под прикрытием пулеметов прорваться в первую линию обороны, волоча за собой связанного майора.

Было ли это чудо или нет, но я понял, что Бог любит смелых и отважных людей, таких как обер-лейтенант Крамер.

Трое суток ожидания тянулись словно целая неделя. Крамер не находил себе места. Ганс и толстяк Уве, из рейда не вернулись. Через двое суток обмороженные и изнеможенные Мартин Лидке и Вильгельм перешли линию фронта в десяти километрах восточнее города в полосе действия 900 штрафного батальона, занявшего высоты возле деревни Саксоны. От них мы и узнали, как нелепо погибли наши камрады, подорвавшись на русской мине

– Кристиан, у тебя красивый подчерк оформи на наших парней карточки пропавших без вести. Нашим ребятам просто не хватило чуть-чуть везения. Они прикрывали нас, как могли до последнего, когда мы с Крамером прорывались на передовую.

Я тогда был молод и возможно совсем не представлял, в какую опасную смертельную игру был втянут весь народ Германии, в какую опасную игру мы играли каждый день под обстрелом русских.

Несколько дней обер-лейтенант Крамер терзал себя. Каждый вечер, он перед тем как пить шнапс, рассматривал именные жетоны и что-то бормотал себе под нос. Мне казалось он сходит с ума. Я наблюдал за Крамером и боялся, что он окончательно тронется, а вслед за ним начнем сходить с ума и мы. Через неделю, после рейда необходимо было вновь идти к «Иванам». Вальтер Крамер напился шнапса как свинья. Вот тогда, он сказал мне:

– Кристиан, студент – на кой черт сдалась нам эта война? Что мы делаем в этой стране? Мы каждый день теряем наших камрадов и конца этому не видно. Отнеси каптенармусу жетоны, у меня больше нет сил, ждать наших парней. Приказ есть приказ, и я направился в штаб. Здесь я нос к носу столкнулся с начальником штаба, подполковником Шванике. Я вытянулся перед ним по стойке смирно.

– Солдат, – обратился он ко мне.

– Я вас слушаю герр, полковник.

– Я видел вас вместе обер-лейтенантом Крамером.

– Так точно, я подчиненный обер-лейтенанта Крамера, – ответил я, стараясь не дышать.

– Что вы делаете в помещении штаба, – спросил подполковник, стараясь приладить монокль.

– Я герр подполковник, исполняю приказ обер-лейтенанта Крамера. Мне приказано передать каптенармусу списки погибших, Ганса Братке и Уве Айсмана, пропавших без вести, их документы и личные вещи.

– Солдат, а ваш командир сам не мог доложить, как это предусмотрено боевым укладом!? Передайте ему, чтобы он... ..

Разговор прервал телефонный звонок. Подполковник Шванике, указав мне на выход, подошел к телефону, который подал ему связист-ефрейтор. Уже на выходе, я слышал, как начальник штаба, вытянувшись по стойке смирно, стал с кем-то разговаривать по телефону, постоянно отвечая:

– «Есть, есть! Так точно! Хайль Гитлер»!

Немного притормозив, я краем уха услышал ошеломляющую новость. Спустившись в подвал церкви, где квартировал разведотряд, я подошел к лейтенанту и без всякой субординации сказал ему на ухо:

– Герр обер–лейтенант, на нашем участке фронта грядут большие перемены. Я только что слышал, десятая бригада идет к нам на помощь. Возможно, что блокада большевиков будет прорвана, и мы сможем свободно вздохнуть. А может, нас отведут в тыл на ротацию. Старик Зинцингер, будет сегодня собирать офицерский состав. Подполковник Шванике просил передать вам, что вы лично должны были ему доложить о потерях.

– Старик меня поймет! Он боевой командир, а не берлинский служака из берлинской ставки. Приготовь мне горячей воды! Необходимо помыться, побриться и идти на аудиенцию к подполковнику Шванике, будь он неладен.

Я поставил на печь кастрюлю со снегом и уже через двадцать минут из неё пошел пар. Постепенно подкладывая снег, уже примерно за час натопился довольно большой объем горячей воды. Крамер скинул с себя верхнюю одежду, обнажив спортивный торс. Все его тело украшали боевые шрамы, полученные за время всей этой войны.

– Что стоишь, давай, поливай! – сказал он, держа в руке кусок французского мыла из старых запасов.

Я, зачерпнув ковшом воду, стал обливать лейтенанта горячей водой. Тот мылился, фырчал от удовольствия, смывая с себя пот и грязь фронтового быта. Я понял Крамер вышел из эмоционального штопора и теперь на моих глазах обретал второе дыхание. Минут через тридцать обер–лейтенант уже был готов. Лицо его светилось и от него слегка благоухало свежестью чистого тела и дорогого французского одеколona. Тоска в глазах сменилась искрой, которая горела в них, как после удачного рейда.

– Кристиан, как я выгляжу!?! – спросил меня Крамер. – Я мог бы стать героем твоих картинок?

– О, герр обер–лейтенант, вы хороши, как новая рейхсмарка. С вас можно икону писать!

– Русские, студент, тоже так говорят – хорош как новый пятак! Ты учишь русский язык?

– Так точно герр обер–лейтенант, – сказал я, показывая солдатский разговорник.

– Смотри – скоро он пригодится тебе. Грядет время великих перемен, впереди нас ждет лето. А где лето там тепло, там пляж, женщины и много шнапса. Ты, Кристиан, любишь женщин!?! – спросил он, расчесывая волосы, глядя в осколок зеркала.

– Я же девственник! У меня еще никого не было!

– О, да – вспомнил – ты девственник, – сказал Крамер. иронично улыбаясь.

– Так точно, герр обер–лейтенант! Я еще не успел стать мужчиной.

– Дай бог дожить нам до теплых дней. Русские не смогут постоянно сдерживать напор нашей армии, и уже скоро они далеко отойдут на Восток. Вот тогда мы решим твою проблему! В окрестных селах еще должны остаться хорошенькие фроляйн.

– А как, герр обер–лейтенант, приказ фюрера!?! – спросил я, стараясь предугадать его ответ.

– Фюрер не следит за тобой по ночам – это привилегия Господа! Я же не буду об этом ему докладывать.

– Так точно, герр обер–лейтенант! – сказал я, вытянувшись в струнку.

– Вот и хорошо...

Крамер ушел в штаб, а я завалился на нары, мечтая о скором наступлении долгожданного тепла. Постепенно глаза закрылись. Я уснул, провалившись в мир сновидений и грез.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Черная дыра

Вальтер Крамер в полном молчании подошел к печи и присел на стул. Он закурил и, глядя в огонь, не поднимая головы, сказал:

– Камрады! От Суража до Усвят, русские пробили проход и сдерживают его своими силами. По данным авиаразведки, через этот «коридор», утекают войска большевиков, попавшие в наше окружение в районе Витебска. Из наших тылов через эту «черную дыру» выходят окруженные части и разрозненные боевые подразделения. Приказом «папочки» Зинценгера, нам приказано ночью выйти в направлении коридора, и провести разведку с целью блокировать этот участок силами идущего к нам резерва. Нам предстоит встретить десятую бригаду 83 дивизии, которая должна с марша прикрыть эту «калитку». На рубеже деревень Секачи, Миловиды, Нивы – русские сдерживают проход по Витебскому тракту. Выходим ночью, силами двух стрелковых отделений. Движение осуществляется согласно боевому порядку. Приказываю – в огневой контакт не вступать. Петерсен – от меня ни на шаг. Не хочу, чтобы твоя мать фрау Кристина, проклинала меня за то, что тебе русские оторвут голову. Ты еще нужен Германии.

– Есть! – ответил я, ощущая со стороны своего командира какое-то странное покровительство.

– Я не хочу, чтобы ты, сдох на этой войне, – сказал обер-лейтенант. – Ты пока еще не воин! Ты творец, и должен помнить об этом каждую секунду. Сегодня, нам предстоит пройти по русским тылам. Ты, если хочешь, можешь остаться в гарнизоне, – сказал обер-лейтенант.

– Спасибо, но я пойду с группой. Если господу будет угодно, он не даст меня в обиду.

– Идиот! Ты, молод и многого не понимаешь! Рано или поздно война закончится без твоего участия. А сегодня – я твой бог, и я хочу, чтобы ты, сохранил, свою жизнь ради твоего таланта. Я малыш, верю в твой разум!

Я по молодости был немного наивен. Я не подозревал, что обер-лейтенант Крамер, уже был разочарован идеей фюрера захватить Россию. Он знал, что эта война, развязанная Гитлером, будет закончена полнейшей капитуляцией и крахом всей Великой Германии. Я чувствовал тогда, что он хотел, рассказать мне, о его мыслях, но я, был молод и многого тогда не понимал, полагаясь на свой юношеский максимализм. Раз от разу в словах Крамера проскакивали нотки дикого, славянского бунтарства, но в открытую высказывать эти вольные идеи, он еще опасался. В каждой роте был свой информатор, носивший значок националистической партии фюрера на внутренней стороне солдатского френча.

В один из вечеров развед-отряд в количестве двух отделений, направились в очередной рейд по тылам русских. Командование решило перепроверить данные авиаразведки, чтобы на месте «по-живому» установить места сосредоточения «Иванов». Сквозь февральскую метель на лыжах скрытно мы вышли на окраину города и спустились к реке. Здесь под прикрытием берега, можно было незаметно двигаться вдоль берега, выискивая следы русских диверсантов, проникавших на нашу территорию с другой стороны.

В то время, линия обороны проходила по самому центру Дюны. С одной стороны располагалась наша линия обороны, с другой стороны окапались «Иваны». Большевики стояли узкой полосой от деревни Разуваевка до деревни Секачей. Именно в этом месте они блокировали подходы к городу и простреливали всю дорогу, которая шла из Витебска. Рельеф был сложным: с западной стороны города большевики наступать не старались. Им еле-еле хватало сил, чтобы сдерживать натиск десятой стрелковой бригады, которая подпирала со стороны Суража.

Короткими перебежками по заснеженному льду реки, мы вышли на рубеж Нижних Секачей. Именно здесь было самое узкое место в обороне русских, где мы могли перейти линию фронта и скрыться в пресловутом большевистском коридоре. От пребывания в глубоком снегу вся униформа покрылась льдом. Она затрудняла всякие движение, и этот факт перед природой и стихией был неоспорим. Впереди было почти тридцать километров марша по таким чащобам, по которым могли перемещаться только русские. Это был самый стык двух армий армии «Центр» под командованием генерала – фельдмаршала фон Клюге и армии «Север, под коман-

дованием генерала – фельдмаршала Георга фон Кюхлера. Именно на этом куске в сорок километров на рубеже группы армии «Центр» по лесам и болотам русские устроили этот коридор, и спокойно перемещали выходящие из окружения войска и даже обозы с оружием и провиантом для партизанских отрядов.

Нам была поставлена задача пройти лесами почти до самых Усвят, и нанести на карты оборону русских. Тогда вся правая сторона реки была занята врагом. Приходилось пробираться в тыл к «Иванам», минуя передовые и авангардные сторожевые кордоны. Во время перехода через реку в районе деревни Верховье, мы совершенно случайно повстречались с русской снайперской группой. Русские шли в белых маскхалатах на лыжах в нашу сторону. Их было пятеро. Три снайпера и боевое прикрытие с автоматами. Обер-лейтенант Вальтер Крамер, заметил их в свете Луны, когда они были в двухстах метрах от нас. У нас было время окопаться в снегу, чтобы в нужное время неожиданно предстать перед врагом. Командир поднял вверх правую руку, что означало готовность к рукопашной схватке. Я достал нож. Сжавшись словно устрица, я с головой нырнул в снег, чтобы по сигналу командира броситься в рукопашную схватку. Все предрассудки остались позади, и я почувствовал тот азарт, который чувствует настоящий мужчина перед тем, как броситься на врага.

– Вперед, – закричал Крамер. Он первым же ударом вскрыл горло идущему в авангарде «Ивану». Его ноги подкосились. Кровь хлынула их артерий, фонтаном обагрив снег.

Что было дальше, я помню плохо. Помню мелькали эти суровые лица поросшие щетиной. Они хрипели, что-то орали. В их глазах не было страха. В их глазах была ненависть и презрение к нам, и к самой смерти. Русские бились отчаянно. Несмотря на усталость, они нашли силы, чтобы впятером противостоять двум отделениям наших парней. Изначально исход рукопашной схватки был предрешен в нашу пользу. Дрались молча. Ни единого выстрела. Ножом, прикладами карабинов и кулаками, мы свалились в свару. Русская группа старалась сдерживать наш натиск. Они встали спинами друг к другу и завертели свою кровавую карусель.

Схватка была скоротечной. Я до сих пор с ужасом вспоминаю, до какой нечеловеческой злобы может война довести людей. Бросившись в кучу, я тут же получил прикладом русского автомата. Черный провал небытия, в который мне довелось свалиться, сохранил мне жизнь. Я не видел всего боя, а очнулся лишь тогда, когда обер-лейтенант Крамер бил меня ладонями по щекам приводя в чувства.

– Очнись студент – очнись, – говорил он мне, растирая мое лицо снегом. После порции нашатыря, подсунутого мне под нос, я пришел в чувство. Размытое изображение стало набирать резкость, и наконец-то я вернулся в реальный мир.

Голова ужасно болела. Приходя в чувство, взглянул на место боя. Ничего необычного не было – война есть война. Но то, что я увидел, надолго врежется в мою память и будет напоминать мне все годы моей жизни.

Среди окровавленного снега в неестественных позах лежали тела семи убитых человек. Было видно, что русские дрались до последнего и умирали на этом холодном ледяном поле брани, как настоящие солдаты. Больше всего мое сознание поразила та картина, которая застынет в моей памяти образом истинной воинской доблести.

Пробитый кинжалом русский солдат, умирая в самый последний момент своей жизни, успел вцепиться зубами в глотку обер-ефрейтора Мартина Лидке. Из последних сил, он словно дикий зверь, перегрыз ему горло. Все лицо этого большевика было в крови. Так и лежали они, обнявшись, словно братья. Побратимы этой войны – они уже не были врагами. Они лежали на льду Двины, славой и подвигом своим, разделив между собой нелегкую судьбу солдата. Были в их сердцах Бог, и с какой верой они приняли свою смерть, мне было тогда неизвестно.

Обер-лейтенант Вальтер Крамер, качаясь от усталости, присел рядом. Он приказал собрать жетоны, оружие и личные вещи наших парней. Меня бил жуткий озноб. Руки и все

тело тряслось не от холода, а от страха. Голова кружилась, а лицо заплывало огромной гематомой, которая скрыла мой глаз. Дрожащим голосом Крамер тихо спросил меня:

– Ты, не обгадился? С дебютом тебя студент, ты убил своего первого русского. Ты видел это... .

– Что, – спросил я сквозь гул в ушах, не понимая его голоса. В голове стоял какой-то гул, сквозь который, как сквозь подушку еле доносились слова моего командира.

– Лидке! Мартин Лидке! Он умер страшной смертью. Я видел своими глазами, как русский, схватил его зубами за глотку и захлебываясь кровью, вырвал ему трахею, но я ничего не смог сделать! Я не мог ему помочь... .

Постепенно слух начал возвращаться в мои уши, и я отчетливо услышал, как совсем рядом от меня плачет Шнайдер. Он ползал по снегу и голыми красными от крови руками что-то искал.

– Мы, мы никогда не сможем победить этих русских, – верещал он, вытирая рукавом текущую из носа кровь.

– Что ты ищешь, – спросил обер-лейтенант Крамер, наблюдая за своим бойцом, потерявший разум.

– Часы! Часы! Отец подарил мне дорогие швейцарские часы. Что я кажу ему, когда вернусь домой.

– Петерсен, ты видишь идиота... Он думает, вернуться домой с часами. Он думает, что он выживет в этой мясорубке. Да они, умирая, рвут нам глотки! Это какое-то безумие! Мой разум не в состоянии переварить это, – сказал мне Крамер.

Я обтер от крови снегом лицо и слегка пришел в себя. Я мог видеть только один глазом. Мне приходилось прикладывать снег к лицу, чтобы уменьшить опухоль, которая возникла на моем лице.

– Что свинопасы, наложили в штаны? Пятнадцать гаденышей не смогли справиться с пятью русскими – позор! Пять минут даю вам, чтобы привести себя в порядок, – сказал обер-лейтенант. – Убитых похоронить... .

– И русских тоже, – спросил ехидно пулеметчик Альфред Винер.

– И русских тоже, – ответил обер-лейтенант Крамер. – Они более достойны того, чтобы со всеми почестями быть преданными земле. Это настоящие воины, а не вы – стадо жирных свиной.

– Я герр обер-лейтенант хоронить русских не буду. Пусть их хоронят большевики, – сказал снова Винер и закурил. – Земля герр обер-лейтенант, промерзла на два метра... Мы будем рыть её до самой весны, а нам еще выполнять задачу... .

Камрады молчали. Ни кто не проронил, ни слова. Каждый понимал, что война с русскими это не прогулки по Елисейским полям в Париже. Мы должны были это принять эту реальность и жить теперь с ней дальше, ощущая спинным мозгом, что и наша солдатская судьба может в любой миг быть не менее трагичной, чем у Мартина.

У меня до тошноты болела голова. При виде избытка крови на льду, я не выдержал, и меня вырвало. Организм отверг утренний завтрак, подсказывая мне, что сотрясение мозга это уже боевое ранение. Несколько минут меня рвало, как проклятого. Я не мог даже подняться с колен. Тело настолько ослабло, что я упал и потерял сознание. Что было дальше – я не помнил.

Очнулся я тогда, когда Крамер с камрадами уже стучали в дверь ближайшего русского дома, распугивая всех жителей деревни.

Нам открыла пожилая женщина. Крамер, оттолкнул её в сторону и проходя в дом, спросил по-русски:

– Кто еще есть дома?

– Дед на печи, – ответила она, прикрываясь накинутым пуховым платком.

– Матка, у нас раненый солдат... Ему нужна помощь и теплая постель.

Камрады внесли меня в хату и, не снимая верхней одежды, положили на кровать.

– Манц, станцию на связь, – приказал Крамер.

Обер–ефрейтор Густав Манц, развернул радиостанцию, и уже через минуту в штаб дивизии полетела первая радиограмма.

«Нахожусь южнее деревни Козье. Потери – три человека. Двое убитых, один ранен и нуждается в срочной эвакуации. Прошу направить в Козье эвакокоманду – Крамер».

Обер–лейтенант достал две банки консервов, кусок хлеба, шпик и положил это перед бабкой на стол.

– Мы уходим. Через пару часов его заберут. Там на льду лежат русские и немецкие солдаты их надо похоронить – немцев отдельно. Через два дня мы сюда вернемся. Я проверю, как будет выполнен мой приказ. Если вы не похороните убитых, мы расстреляем в деревне каждого пятого, – спокойно сказал Крамер, наводя ужас на крестьян.

Камрады ушли, оставив меня один на один со старухой и её дремучим бородатым дедом.

Несколько раз я приходил в себя, стараясь, восстановить в памяти рукопашную схватку, но каждый раз мои воспоминания обрывались, на одном и том, же эпизоде.

Лежа в кровати, я вспоминал, как за день до вылазки Мартин Лидке получил из дома письмо. Он хотел после победы вернуться к своей семье в красивейший и уютный Целле. Я представил, с каким ужасом его жена и его дети узнают, о том, как он погиб. Как русский солдат в рукопашном бою перекусил ему горло зубами. Для семьи это будет настоящим шоком. Мертвым уже все равно, ибо душа его прибывает на пути к Богу.

Такое происшествие с группой было впервые. Потерять за неделю пятерых сразу убитых и мня раненого, это было уже много. Вернувшись на базу, обер–лейтенант Крамер, вновь ударился в запой.

.Возможно, это было совпадение, а возможно и запланированное мероприятие, но блокада была прорвана только в марте. Бригада генерал– майора Клауса Бюлова разорвала большевистское кольцо извне и победоносно вошла в разрушенный город. Благодаря работе комендатуры улицы города с помощью местного населения приводились в порядок. Нам казалось, что мы пришли на эту землю навсегда, и должны были показать этим диким русским, что такое немецкая культура и наш европейский уровень жизни.

После изматывающей блокады, наш разведывательный отряд был отведен на отдых в тыл на целый месяц. Месяц без войны, без разрывов снарядов и бомб в то время казался настоящим тыловым раем. Хорошее питание, чистые простыни и отсутствие нервного напряжения в короткий срок вернули нас к жизни.

Обер–лейтенанту за пленение русского майора, было присвоили очередное звание капитан, и еще он был награжден «Железным крестом» второй степени. Как обещал мне Крамер, я тоже тогда был представлен к медали за зимнюю кампанию и к почетному нагрудному знаку «За атаку».

Отдых в тылу в то время казался мне настоящей сказкой. В обществе хорошеньких медсестер, мы словно боевые псы,лизывали свои раны, чтобы уже совсем скоро вновь оказаться на передовой.

За время пребывания в лазарете, я еще больше сдружился с капитаном Крамером. Он стал одним из почитателей моего таланта и даже на этом делал свой маленький гешефт. В минуты отдыха он любил позировать мне, а все рисунки раздаривал медицинским сестрам, получая за это не только безмерную любовь, но и приятные подарки в виде вина и шнапса. Всякий раз, отправляясь на прогулку по городу, он стал, выписывать мне увольнительную в бордель. Крамер брал меня с собой, чтобы я мог своими глазами видеть то, о чем должен был изобразить в рисунках.

Глава четвертая

Анна

По закону подлости, время в тылу пролетало быстрее, чем на передовой. В один из дней, получив денежное довольствие, капитан Крамер решил взять меня с собой, в Витебск. Там в свое время творил известный художник Марк Шагал, который после революции в России, переехал в Париж, а в сорок первом году бежал в Америку, опасаясь нацистов. Мы уселись в грузовик вместе с саперным отделением, и уже через час въехали в мрачный и разбитый войной город. Тогда перед моими глазами предстала ужасная картина. Город, словно огромный призрак, лежал в руинах. Черные пустые глазницы обгорелых окон, битый красный кирпич, разрушенные стены домов создавали поистине удручающее впечатление. Удивляло огромное количество гражданских людей и даже русских казаков вооруженных саблями. Они дефилировали по городу кто в поисках работы, а кто приключений. Казаки никого не боялись и даже иногда дрались с немецкими офицерами, заявляя свои права на офицерские бордели.

Я шел рядом с капитаном, вращая головой по сторонам, словно филин, стараясь запомнить каждую деталь, каждую мелочь, чтобы в конце этого страшного жизненного пути поведать об этом детям и внукам, как обещал командиру.

– Смотри, студент, это когда-то был прекрасный город! Еще осенью тут было намного лучше, оставалось много целых домов, а сейчас сплошь одни руины! Большевики со своей авиацией, тоже постарались на славу. Надо двигать к вокзалу, это самое людное место. Ты как на счет перекусить и выпить хорошего пива?

– С огромным удовольствием герр капитан.

– Ну, тогда нам стоит найти фронтальной кабачок, – ответил Крамер. – Ты любишь колбаски с пивом, обер-ефрейтор Кристиан Петерсен!?

– Вы спрашиваете, герр капитан! Если кто из немцев не любит баварских сосисок – значит он не немец... Я сейчас не только могу съесть колбаски, но и целого быка, зажаренного на углях.

– Ты сейчас произнес крылатую фразу Кристиан... Я запомню её и расскажу нашим парням, когда мы будем в тылу у русских доедать последний русский сухарь и кожаную комиссарскую португую.

– О боже, герр капитан, мне так хочется, чтобы эта чертова война закончилась уже завтра... Мне нужно получить диплом об окончании высшей веймарской индустриальной школы.

– А ты вспомни, что ты обещал нашим парням, когда мы прорвем блокаду?

На какое-то мгновение я задумался, стараясь припомнить, что же такого я обещал камрадам, что сейчас не могу воспроизвести это в своей памяти.

– Не могу вспомнить, герр капитан. После последней рукопашной, я многое забыл, когда мне «Иван» прикладом автомата отбил часть мозга.

– А я помню! Ты еще там, в подвале мечтал расстаться со своим целомудрием?! Жаль, что с нами нет Уве. Он бы тебя обязательно повел по нашим тыловым борделям. Он, за время блокады, скопил тридцать шесть талонов на посещение. Уве был любитель бабских тел, – сказал капитан, выискивая глазами какое-нибудь увеселительное заведение.

– Герр капитан – псы пожаловали!

Капитан обернулся. К нам подошел патруль фельджандармерии. За горжету, висящую, на цепи, солдаты их называли этих парней «цепными псами». Это была военная полиция местного гарнизона. Эти подразделения редко участвовали в боях, а занимались организацией порядка, отловом дезертиров да возмутителей прифронтного спокойствия. Обер-фельдфебель с красной сальной физиономией отдал честь и спросил:

– Герр капитан, разрешите взглянуть ваши документы.

Его наглые глаза, его ехидное и неприятное лицо выдавали в нем ярого служаку, отрабатывающего свой статус. Вероятно, что до войны он в Баварии владел, свиной фермой, и лишь деньги, да хорошие связи в обществе нацистов подарили ему счастливую сытую службу вдали от линии фронта. Его пороссячьи глазки всматривались в капитана Крамера в надежде выявить

в нем нарушителя немецкого порядка. Расстегнув шинель, капитан, доставая портмоне, как бы невзначай показал тыловому служаке свой «Железный крест». Протягивая документы, Крамер продолжал разглядывать улицу, выискивая, то ли злачное место, то ли местную шлюху.

– Герр капитан, а этот солдат с вами? – спросил обер-фельдфебель, показывая на меня кивком головы.

– А разве он похож на дезертира, – спросил Крамер, закуривая сигарету. – Это мой солдат, из войсковой разведки... Вот его увольнительная, можете взглянуть!

– Цель вашего визита в Витебск!? – спросил обер-фельдфебель, возвращая документы.

– Наш полк господин обер-фельдфебель, отведен от линии фронта в населенный пункт Яновичи на пополнение и ротацию. Согласно приказа командира 257 мотопехотного полка генерала Зинценгера, дивизионная полевая разведка имеет право свободного перемещения на всей подконтрольной нами территории. Вы, герр обер-фельдфебель, лучше бы подсказали боевому капитану, где нам в этот час найти достойное место, чтобы выпить пива да отведать баварских колбасок. Три месяца в блокаде у русских – это вам не прогулка по набережной Круазетт. Только за то, что мы живы, фюрер, уже должен поить нас пивом и угощать сочными сосисками до самого конца нашей жизни...

– О, так вы, парни, вырвались из окружения?! – сказал жандарм, возвращая документы.

– Так точно обер-фельдфебель, – произнес капитан. Он спрятал портмоне во внутренний карман шинели и улыбнулся.

– Ну, тогда парни, вам в комендатуру, – спокойно сказал жандарм.

После его слов мои коленки, слегка дрогнули. Я не боялся так шальных русских, как опасался нашей полевой жандармерии. Эти парни порой перегибали палку, и им почему-то это всегда сходило с рук.

– Если вы хотите выпить пива в этом камрады, нет проблем! Вон там, на том перекрестке повернете направо и возле здания комендатуры увидите кинотеатр «Триумф». Через два дома от кинотеатра стоит прекрасный кабачок. Там всегда свежее пиво из Германии и отменные баварские колбаски, – сказал фельдфебель. – Хайль! Счастливого вам отдохнуть, герр капитан! – сказал старший патруля.

Жандармы вальяжно направились дальше, оставив нас в гордом одиночестве.

– Ну, что, Кристиан, погуляем, как гуляют «Иваны» после зарплаты!? Я получил расчет почти тысячу триста марок за нашу зимнюю кампанию. Вот тут мы и сможем потряхнуть наши тугие кошельки. Живем – то всего один раз!

– Так точно, герр капитан... У меня тоже неплохой улов, надо купить что-то матери.

– Кристиан, дружище – сегодня угощаю я! Я ведь твой командир! Вот когда мы войдем в Москву, я тогда и разрешу тебе напоить меня русской водкой. Я знаю в Москве один чудный ресторанчик под названием «Метрополь». До войны я несколько раз бывал в нем, когда дедушка Сталин еще не так был зол на свой народ. Хотя – хотя это уже в прошлом.

– Действительно так все было плохо, – спросил я, стараясь представить.

– Да, точно так же – как сейчас в Германии. То, что происходит с нашей страной – это зеркальное отражение того, что уже было у «Иванов» еще пять лет тому назад.

– Я не знаю – нас не учили этому в школе, – ответил я, вспоминая курс школьной истории.

– Вот представь себе: у нашей семьи было свое дело. Наш род Крамеров воспитал отменных маркшейдеров. Ты знаешь, кто такие маркшейдеры!? – спросил капитан.

– Это какие-то проходчики под землей?

– Да, это специалисты по проходке... Они ориентируют шахты в угольных пластах. Так вот, при царе Николае – II колонисты жили очень прилично. С приходом большевиков все в этой стране покатило в тартарары. Красные, белые, анархисты, кадеты все перемешались в этом мире. Убивали друг друга! Ленин уже в те времена продан нам за триста миллионов марок. Вот на эти деньги он то и вверг в бойню целую страну. Брат убивал брата, сын убивал

отца. Эти времена были для России апокалипсисом. Наш фюрер, вероятно, думал, что, войдя в Россию, солдат вермахта будут встречать хлебом – солью. Нет, студент, русские это русские. Им все равно, кто придет их освобождать от Сталина и советов. Они не захотят освободиться – они будут драться до последнего солдата.

– Я уже понял, герр капитан! Русские дерутся, как звери. Я один раз видел, как они шли в атаку – это было в начале войны. Я до сих пор не могу спокойно спать. С каждым днем у них появляется все больше и больше нового оружия. Я чувствую, мы хлебнем горя в этой бойне – это уж точно, – сказал я, философски, размышляя.

– А ты, мой юный друг, смекалист... У вас, что в Ордруфе все такие!?

– Не все, но одаренных много, – сказал я, намекая на то, что в этом оркестре я играю первую скрипку.

Наш разговор перебил лай собак и странное шуршание. Я обернулся на звук. По улице страшной серой колонной тянулись русские военнопленные. Их глаза от усталости ввалились в черные глазницы, а лица поросли многомесячной щетиной. Было видно, что пленных «Иванов» гонят к вокзалу. Вдоль дороги мы видели русских женщин, которые протягивали пленным хлеб, шпик и молоко. Жандармы, конвоирующие пленных, не вмешивались, подачки со стороны местного населения, частично снимали проблему их питания для наших интендантов.

– Смотри, студент, это те brave парни, которые в течение двух месяцев не давали нам покоя. Теперь они будут искупать свою вину, и работать на Великую Германию. Хотя я знаю русских... Мне кажется, что славяне в неволе работать не будут... Среди них обязательно появятся комиссары, которые даже в плену будут мутить воду и призывать к бунту.

– Герр капитан, я много раз слышал, про комиссаров, а что это за люди такие! – спросил тогда я, глядя на удаляющуюся колонну пленных.

В тот момент я вдруг представил, что будет со мной, если я попаду в плен. Что будет ждать меня в русском плену!? Избиения и голод, холод и непосильный каторжный труд? Я смотрел на пленных русских и чувствовал, что в моей душе появился какой-то осадок.

– Не бери в голову! Пленные Кристиан – это есть результат военных действий. Чем больше пленных, тем больше работы они смогут исполнить, чтобы выжить.

Ну, что, студент, нам пор опрокинуть по штофу русского шнапса!? – спросил капитан.

– Так точно – ответил я, стараясь стереть из памяти эти лица людей, которых война обрела на такие страдания.

Стеклянные, узорчатые двери фронтового кабака открылись, и в одно мгновение в нос ударил терпкий запах сигарного дыма. В ресторане на сцене в свете софитов танцевали русские девушки, которые под музыку махали ногами, одетыми в черные шелковые чулки. За столиками в свете горящих электрических свечей, утопая в сигарном дыму, сидели военные всех родов войск. Они отдыхали после боев и тыловой службы. Это был офицерский ресторанчик. Рядовых солдат сюда не пускали, и я чувствовал себя не в своей тарелке.

– Эй, солдат, – крикнул один из офицеров. – Тебе, не кажется, что ты, немного заблудился? Ваш вонючий притон, находится рядом за углом.

Я застыл в каком-то непонимании и смотрел на Крамера. Тот искал место за столиком. Услышав пьяный окрик в мой адрес, капитан подошел к офицеру и вежливо сказал:

– Вам обер-лейтенант, должно быть стыдно. Это не простой обер-ефрейтор, а возможно будущий фельдмаршал. Сегодня я командую солдатом, а завтра этот солдат будет командовать мной... Ведь судьба так непредсказуема – не правда ли лейтенант?! Неделю назад в рейде по тылам русских, этот герой спас мне жизнь... Поэтому он будет сидеть со мной за одним столом... Я командир разведывательной группы капитан Крамер – хочу этого. Вам теперь понятно обер-лейтенант?!

– Это заведение для офицеров, – сказал штабник, настаивая на своем. В зале наступила тишина, и все присутствующие, повернулись в сторону Крамера, желая видеть развязку этой истории.

– Этот обер-ефрейтор представлен к званию унтер-офицера, поэтому согласно укладу Вермахта, он имеет право, находится в офицерском клубе, – сказал капитан, и, выдвинув стул, сказал:

– Приказываю сесть!

– Есть, – ответил я, и грохнулся на стул, словно подкошенный вражеской пулей. Приказ есть приказ. Офицеры засмеялись, увидев мою реакцию. Я стал внимательно оглядывать окружающую меня публику. Подвыпившие пилоты спорили о своем, и все еще продолжали летать, махая руками и кружась вокруг своего столика. Через минуту к нашему столу подошел русский кельнер. Его красная рубаха в мелкий горох с косым воротом и хромовые сапоги, начищенные до зеркального блеска, подчеркивали в нем национальную сущность истинного славянина. Белоснежное полотенце, перекинутое через руку, еще более выявляло загадочный традиционный русский стиль. Он хитро улыбнулся и на ужасном немецком, спросил:

– Чего изволят господа?

Крамер, осмотрев с ног до головы кельнера, ответил ему на чистейшем русском:

– Давай–ка голубчик, нам для начала, графинчик «Московской», два пива, картофель и баварских колбасок с кислой горчицей. Да пошевеливайся, мы очень голодны!

Немецкий капитан со знанием русского языка у кельнера вызвал неподдельное удивление. Несколько секунд он стоял, открыв рот, и, не моргая, смотрел на Вальтера Крамера.

– Ну, что ты халдей, уставился? Ты, ни разу не видел немецкого капитана, говорящего по–русски, или ты думаешь, я шпион Сталина? – спросил Крамер.

– Герр офицер, с таким знанием русского языка у нас еще посетителей не было! Я сейчас, сию минуту, – сказал кельнер, и в мгновение ока удалился.

Уже через минуту он вышел из подсобного помещения, держа в руке большой блестящий поднос. На нем под белоснежным покрывалом стоял хрустальный графин с водкой и два хрустальных бокала.

– Пожалуйста! – говорил он, расставляя на стол старинный хрусталь из запасов прошлой еще дореволюционной России.

Мне показалось тогда, что русскому был интересен мой командир, от того он смотрел на него не так как на других офицеров.

– Приятного аппетита! – сказал он, и вновь исчез, чтобы не вызывать недовольство капитана.

– Вот так вот студент, некоторые русские тоже не спешат умирать на поле боя. Этот неплохо устроился кельнером! Я думаю, что после нашей победы, многие «Иваны» попробуют пройти натурализацию и раствориться в нашей культуре, как сахар в чашке кофе. Капитан, разлив по бокалам водку, чокнулся со мной, улыбаясь, от удовольствия.

– За то, чтобы мы с тобой, остались живы! Цум воль!

– Так точно, герр капитан! Цум воль!

Крамер открыв рот, по–русски проглотил шнапс. Он крикнул от удовольствия, и, занял водку куском черного хлеба, который он подсоллил, перед тем как закусить. Впервые за эти два месяца моего пребывания в разведывательном эскадроне мне довелось пить с командиром шнапс за одним столом. Для многих офицеров вермахта это могло показаться невиданной дерзостью, но капитан Вальтер Крамер был другим человеком, и это отличало его от истинных арийцев, родившихся в Германии. Он откинулся на стуле, и, расстегнув пару пуговиц мундира украшенного «Железным крестом», блаженно закурил. Следовать его примеру я не хотел. Я слегка отпил из штофа отменный русский шнапс и, поставил рюмку на стол. Мне не было нужды напиваться. Я просто хотел отдохнуть и вкусно поесть.

– Боишься студент, нализаться, – спросил меня капитан. – Ты прав, так водку пьют только русские... Самое главное, что объем посуды для них абсолютно не имеет значения. Сколько не нальешь, столько они и выпьют, – сказал капитан, подавая мне пример.

– Да наши камрады иногда рассказывают друг другу байки про то, как пьют «Иваны», но мне все равно. Я не сторонник алкоголя. Я сторонник трезвого образа жизни.

– Дай бог, нам выжить в этой войне и тогда у нас появится повод напиться так, как напиваются русские – до визга свиньи.

Мое внимание в тот момент привлек пьяный взгляд одного майора– танкиста. Его обожженное лицо с красным шрамом, пересекающим его наискосок, тупо уставилось на капитана Крамера. После того, как капитан выпил вторую рюмку водки, лицо танкиста постепенно стало наливать кровью. Он встал, и, держа в руках бутылку с французским коньяком, подошел к нам. Все это время он смотрел на Крамер, как будто хотел его загипнотизировать.

– Черт побери, – сказал он, – я впервые встречаю русского шпиона! Ты кто такой, – спросил танкист, подсаживаясь к нашему столу.

– Я, немецкий офицер, капитан Вальтер Крамер! – сказал он. – Если вы герр майор, слегка перебрали, то постарайтесь вести себя достойно, как предписывает уклад офицера Вермахта.

– Нет, мне просто интересно, – ответил майор. – Можно мне посидеть с вами парни?

– Присаживайтесь, – сказал Крамер.

– Простите герр капитан, но вы имеете удовольствие, пить шнапс как это делают большевики. Я много их видел на своем веку. Там под Вязмой, когда мой танк горел.

Внезапно увидев «Железный крест» на груди Крамера, майор поперхнулся. Он ослеплым взглядом осмотрел Крамера с ног до головы, и спросил:

– За что вы, герр капитан, получили свой крест!?

– За оборону «мертвого города», – ответил спокойно Крамер, и вновь налил себе и мне водки. Глядя в глаза майору он вновь одним махом осушил штоф до самого дна.

В то время благодаря дивизионной газете «Panzerfaust» и военному корреспонденту капитану Кауфману, многие солдаты и офицеры узнали о подвиге немецких солдат двести пятой и восемьдесят третьей дивизий, которые доблестно сражались в окруженном большевиками Велиже.

Танкист, протянув Крамеру руку, сказал:

– Прости капитан, я сегодня чертовски надрался! Я слышал, про эту блокаду... Этот Питер Кауфман – писака из армейской газеты навел жути на весь Вермахт... Был бы я фюрер, я бы вам парни, всем бы дал «Железные кресты». Вы настоящие герои! Вы не такие как эти сучьи «макаронники», которые под Москвой бежали только от одного вида большевиков на лыжах.

– Да, герр майор, мы хапнули горя, сказал Крамер.

– Давай с тобой выпьем капитан, – сказал танкист, и налил в рюмки коньяк, который он с собой принес. – Да, вы настоящие солдаты Великой Германии! – сказал он, чуть не плача.

Крамер взглянул на офицера и тихо сказал, ковыряясь вилкой в тарелке с жареным картофелем:

– Да, герр майор, мы почти все получили кресты, только у одних они железные, а у других березовые. От шеститысячного гарнизона за три месяца русской зимы в живых осталось чуть более двух тысяч солдат.

Майор поднял рюмку и, отхлебнув из неё, тихо сказал:

– Мы капитан, в этой чертовой России, все получим по березовому кресту. Все! До одного! Помяни, капитан, мое слово! Всем, всем, всем по березовому кресту!!! – заорал танкист и, шатаясь, пошел к своему столу за которым, вероятно, сидели его соратники.

Они были наготове, чтобы в случае приступа его необдуманного буйства утихомирить танкиста.

Когда пьяный майор ушел, до меня дошел смысл, сказанных им слов. Он был прав. Вероятно, что уже многие офицеры и солдаты стали задумываться о перспективности этой восточной кампании. Но присяга, принятая на верность Германии и фюреру, идеалам национал-социалистической партии, еще вдохновляла нас на бессмысленные подвиги вдали от своего дома.

– Видал, студент, как людей война меняет? Он в каждом человеке теперь видит врага. Если мы проиграем эту великую битву, то благодаря таким, как этот майор! Безмозглый идиот! – сказал капитан, слегка разозлившись. – Он пал духом, а значит, уже обречен!

Впервые очутившись в столь публичном месте, я старался приглядеться и сориентироваться, чтобы со стороны не выглядел белой вороной. Ведь в этом прифронтовом кабаке я был единственным обер-фельдфебелем среди офицеров. Здесь вдали от линии фронта было уютно и тихо, и эта тишина слегка расслабляла мой уставший от войны организм.

Утолив голод, капитан Крамер расслабился. Задумавшись, он уперся глазами в сторону сцены. Там при свете софитов скакали русские фроляйн, развлекая нас своими тугими ляжками, одетыми в ажурные шелковые чулки. Я тогда совсем не думал о том, что придет то время, и они будут расстреляны и сосланы в лагеря, только за то, что они просто хотели жить. Их нежная кожа в условиях сибирского мороза увянет, и они смогут вернуться домой только тогда, когда последний пленный немецкий солдат покинет эти бескрайние российские просторы. Сколько жизней, сколько людских судеб искалечит эта война, я даже не мог себе представить.

– Ну, что раскис, малыш!? – спросил капитан, глядя на меня. – Ты хочешь русскую девку? Ты, же мечтал стать настоящим мужчиной!

– Я, герр капитан, просто задумался, – ответил я, от выпитого шнапса мне было удивительно приятно и хорошо.

– Я вижу, ты на русских баб засмотрелся!? – спросил капитан с издевкой. – Может ты, мечтаешь о том, как бы залезть к какой-нибудь славянке в трусы?

– Признаться честно, я бы не прочь порадовать своего «вилли».

– Что не прочь солдат, а ну отвечай, как положено по укладу.

– Я бы не прочь герр капитан, разгрузить «пороховые погреба»!

– Вот, Кристиан – ответ достойный немецкого солдата! Сейчас мы это дело поправим, – сказал Крамер, подзывая кельнера.

Кельнер подошел к нашему столику и что-то спросил по-русски. Капитан, поглядывая на меня, стал что-то говорить «Ивану». Тот, улыбаясь, кивал головой и когда капитан, достав пятьдесят рейхсмарок, протянул их русскому, тот стал, широко улыбаясь, раскланиваться.

– Ну что, студент, готовься. Сейчас у тебя будет первая русская фрау, которая сможет из тебя сделать настоящего мужчину. Там в номерах, ты можешь делать с ней, что хочешь, это мой подарок тебе на день твоего возмужания.

– Я, боюсь герр капитан, – сказал я, не представляя, как это я буду заниматься любовью, если ни разу не делал этого.

Глаза капитана Крамера округлились и, он, улыбаясь, сказал:

– Кристиан, ты, когда бросался на большевиков с ножом, ты ведь не боялся!?

– Не боялся, герр капитан! Но ведь там был враг. А здесь офицерский ресторан, а не полковой бордель. Я боюсь, что господа офицеры будут против моего взросления...

– Ты прав! Здесь не полковой бордель выходного дня за три рейхсмарки... Здесь нет маркитанток. Здесь любовью занимается тот, кто имеет деньги, – сказал капитан, прищурился глазами.

– А вдруг, у меня ничего не получится!?

– Иди за кельнером. Он тебе покажет куда.– сказал Крамер и, налив себе рюмку водки, выпил её.

От слов сказанных Крамером по моему горлу прокатился ком.

– Я приказываю взять себя в руки, солдат! Ты, еще нужен Великой Германии и фюреру! – сказал с сарказмом капитан.

– Есть, – сказал я, и направился исполнять приказ командира.

В ту самую минуту, подогретый алкоголем, я был готов затащить в постель даже гремучую змею. Мне было все равно, лишь бы быстрее избавиться от повода для насмешек со стороны моих камрадов по оружию. Почувствовав себя львом, я встал из-за стола, и пошел, за кельнером

Вдруг из двери, которая была задрапирована красным бархатом, вышла жгучая блондинка лет тридцати. Её роскошный бюст слегка прикрывало кружевное одеяние, и он выпирал вверх двумя объемными буграми. Она, улыбаясь, курила сигарету, вставленную в длинный мундштук.

– Пошли в номера, мой цыпленочек, – сказала она мне по-немецки.

Вероятно, что эти слова были заученной фразой, чтобы привлечь клиентов из числа немецких офицеров. Я глядел на неё, а мое сердце было готово выскочить из груди от страха. Раньше я и в мыслях не представлял первый контакт с женщиной. Нет, я как все юноши репродуктивного возраста представлял, что и как делается. Мне иногда даже снились сны с обильными поллюциями, но реальность была более прозаична.

Мою первую женщину звали Анной.

Анна, (с её слов) принадлежала к зажиточному и знатному роду, который еще в двадцатых годах раскулачили коммунисты. Я с трудом понимал отдельные фразы, которые она старалась ввязать в немецкую речь. Слегка пощипывая меня за ягодички, Анна повела меня на второй этаж, где в гостиничных номерах располагались апартаменты, специально предназначенные для интимных дел с офицерским составом.

Комната для свидания была украшена в стиле парижских борделей. Красные обои сочетались с красными бархатными шторами. Бронзовые канделябры с горящими свечами создавали интимное настроение. Посреди комнаты стояла двуспальная кровать с хромированными спинками.

Войдя в комнату, Анна сразу же упала на кровать, изысканно держа в руках длинный мундштук с горящей сигаретой. Откинув халатик, она обнажила ногу до самых нежно розовых трусиков с белыми рюшечками. Опешив от увиденного великолепия, я моментально превратился в стоячий фаллос. Окаменев, я трясущимися пальцами старался расстегнуть пуговицы моего армейского френча. Анна, легла на кровать, закинув шелковый пеньюар выше своих колен. Она наблюдала за моими действиями и улыбалась, как бы иронизируя, над моими действиями.

Наконец-то я расстегнул френч, и аккуратно повесил его на спинку, стоящего стула. Скинув с плеч подтяжки, я более уверенно стянул с себя тяжелые армейские сапоги и галифе. С каждой минутой я становился, более агрессивен, ведь и ко мне возвращался азарт первого боя. Страх и робость постепенно уходили, и я предпринял попытку овладеть её телом.

Наступил тот миг, когда я предстал перед ней в своем обнаженном облики. Анна, видя мои нелепые телодвижения, обняла меня и прижалась к моей щеке роскошным бюстом. Её теплые губы коснулись моей щеки. В эту минуту я почувствовал, как страстно желаю эту женщину. Её рука коснулась моего «приятеля» и я чуть не «выстрелил» и этого орудия еще до начала любовных утех.

Девка, насладившись созерцанием моего хилого и потрепанного войной организма, впилась в мой орган, словно болотная пиявка. Её руки были настолько виртуозны в этих делах, что у меня сперло дух. Она гордо и страстно держала дуло моей «гаубицы», словно древко полкового штандарта. От её ласковых прикосновений я впервые ощутил то, что ощущал в минуты отдыха только в эротических сношениях. В долю секунды я, еще не войдя в её тело, освободил себя от накопившегося во мне семени.

– О, мой мальчик, ты просто неудержим, – сказала Анна по-немецки.

В ту минуту мне было почему–то стыдно. Мокрое пятно на белой простыни, неприятной холодной сыростью коснулось моей кожи.

Шлюха, профессионально делала свое дело, и уже через несколько минут её ласк я очутился внутри Анны. Я ощущал её внутреннее тепло, её нежность, с которой она шевелила бедрами и эти телодвижения сводили меня с ума. Придерживая себя за грудь, она щипала себя за соски, и приподнималась на мне, давая моему органу двигаться навстречу. Распластавшись, я лежал, как убитый воин на широком поле брани, отдавшись во власть этой великой женщины. В те минуты я забыл о том, что за стенами этого дома идет война. Забыл о тысячах убитых и раненых, забыл о своем капитане, который остался в кабаке, один на один с графином водки, да с тем сумасшедшим майором из танковой дивизии «Мертвая голова».

В те минуты мне действительно было очень хорошо, и я был благодарен своей судьбе за этот случившийся факт. Да, действительно в случае своей смерти моя душа никогда бы не смогла простить моему телу то, что оно не познало всех радостей и того блаженства, которое может подарить настоящая женщина. Действительно, я в те минуты был необычайно счастлив. Да, несомненно – Уве, был прав! Радость и облегчение, которое дарят нам женщины, заслуживают поистине такого к ним внимания и любви. Вот почему древние мужи философы так благодетворили тех, кто носил великое имя – женщина.

Получив то, что я так долго хотел, я был на вершине блаженства. Я принял душ, и, одевшись, спустился в зал. Мой командир за это время изрядно набрался. Капитан сидел в обнимку с танкистом, и они в унисон шептали какую–то песню из репертуара Марлен Дитрих. Слезы текли по их пьяным рожам, и они выли полусшепотом.

Увидев эту картину, я остолбенел и незаметно присел за столик, чтобы не гневить командира пребывавшего в меланхолии.

Da sagten wir auf Wiedersehen.

Wie gerne wollt ich mit dir geh'n

Mit dir Lili Marleen.

Mit dir Lili Marleen.

В те минуты мои видения и предчувствия стали пророческими. Пройдет всего год и русские, научатся воевать. В мае 1945 они войдут в Берлин, и поставят там заключительную точку в этой проклятой войне. Пьяные обреченные на поражение офицеры и генералы сдадут свои армии в плен, после чего отправятся прямым ходом в Сибирь – пилить лес и восстанавливать те города и заводы, которые они уничтожили.

Глава пятая

Вольфшансе

Фюрер стоял в раздумье возле окна, всматриваясь в сосновый бор, окружающий ставку. По привычке он держал руки за спиной и о чем–то думал. Не оборачиваясь, он сказал:

– Вильгельм, – обратился он к адмиралу Канарису, – под вашим началом на данный момент находится целый полк «Бранденбург–800». Мне хотелось бы знать, чем сыны Великой Германии сейчас занимаются? Меня заботит истинное положение на Восточном фронте после зимы сорок первого года.

– Полк «Бранденбург–800» согласно директиве штаба и ваших приказов мой фюрер задействован на всех фронтах. Нами создана целая сеть разведывательных центров.

– Учитывая промахи командования в группе армий «Центр», я предполагаю, в ближайшее время заменить командный состав за срыв наступлений на Москву. Я готов выслушать ваши мнения, господа! – обратился Гитлер, к руководству Вермахта.

– Мой фюрер, в ходе операции Барбаросса, нами были допущен промахи в организации не только диверсионных мероприятий в тылу врага, но и зимнего снабжения

войск, ввязавшихся в затяжные бои перед столицей большевиков, – сказал начальник штаба генерал-полковник Гальдер.

– Дорогой Франц, надо признаться честно, что Сталин нас переиграл. Мы утратили стратегическую наступательную инициативу и теперь должны зализывать раны, как бойцовые псы после жестокой схватки. Мы застряли перед русской столицей и теперь топчемся перед Москвой, словно мерин перед кобылой. Где наш напор?

– Согласно, утвержденного плана, набирает обороты подготовка войск к летней наступательной операции. Танковая группа Гота по вашему приказу мой фюрер, передана группе «Север», – сказал начальник штаба Франц Гальдер.

– Я хочу предположить внести изменения в план подготовки к летней наступательной операции мой фюрер, – сказал адмирал Канарис. – Нам необходимо в короткие сроки усилить сеть агентуры на восточном фронте. Тысячи диверсантов должны превратить тыловое обеспечение русских в систематический кошмар. На данный момент необходимо расширить сеть наших диверсионных учебных подразделений, как здесь в Германии, так и на оккупированных территориях.

– Вот-вот, адмирал! – сказал фюрер, оборачиваясь к Канарису. – Ваше ведомство занимается агентурой, вам и подвластно создание мобильных диверсионных подразделений, как в тылу наших войск, так и в прифронтовой полосе русских.

– Мой фюрер, по мере продвижения наших войск на Восток, мы уже организовали несколько школ. Подготовка диверсионных команд производится из числа военнопленных, присягнувших на верность великой Германии. Но, увы, их обучение не соответствует требованиям времени. Как только русские оказываются за линией фронта, семьдесят пять процентов, сдается органам НКВД. Мое предложение: продолжать набор в руководство диверсионными группами не из числа пленных, а из числа офицеров разведывательных структур Вермахта. Прекрасное знание языка, культуры и повадок большевиков делают из них наиболее дееспособных агентов или командиров инструкторского состава.

Гитлер опустил глаза в пол, прикусив большой палец. После недолгой паузы он взглянул на адмирала Канариса и сказал:

– Пожалуй, я подпишу этот приказ. Готовьте план мероприятий Вильгельм.

– Так точно, мой фюрер, – сказал адмирал Канарис, щелкнув каблуками офицерских туфель, – уже в ближайшее время полковник Редль доставит его вам на ознакомление.

В голове адмирала уже давно созрел план реорганизации его детища полка «Банденбург–800» в дивизию полного состава.

Транспортный самолет Ю–52 уже через час полета приземлился на аэродроме Темпельхофф. Адмирал, попрощавшись с экипажем, придерживая кортик рукой, спустился по стремянке бетонную полосу. Там, на летном поле его уже ожидала служебный «Мерседес–Бенца». Адмирал Канарис сел в машину и тут же был «атакован» его любимыми таксами Зепплом и Сабинной, которых возил шофер навстречу с хозяином. Они, визжали от радости, лезли на руки Вильгельму надеясь получить свою долю брауншвейгской колбаски и ласки хозяина.

– Герр адмирал, домой, – спросил шофер.

– Нет, Фриц – давай в Берлин, – сказал Канарис, и, откинувшись на сиденье, погрузился в раздумье. Таксы, успокоились и, свернувшись рядом калачиком, прижались к теплой фетровой шинели адмирала.

Ставка «Абвера» на улице Тирпиц–Уфер штрассе 76 ничем не выделялась среди обычных столичных домов. Здесь была вотчина шефа разведки Вильгельм Канариса, и именно из этого здания он отдавал распоряжения парням полка «Брандербург–800».

Черный «Мерседес» адмирала, въехал во внутренний двор. Канарис, взял своих любимых собачек на руки, и, поздоровавшись с дежурным офицером, прошел к себе в кабинет.

Он снял шинель, уселся на кожаный диван, и откинул голову назад. Закрыв глаза, адмирал мысленно представил в своей голове текст приказа, который ему навязал фюрер. Речь шла о реорганизации отдела «Вали». Таксы не покидали хозяина и расположились рядом на диване. Поглаживая их гладкую и чистую шерсть, он восстановил в памяти весь разговор с Гитлером. Денщик, появившийся в дверях, привлек к себе внимание легким покашливанием.

Открыв глаза, Канарис, увидел перед собой ординарца. Тот держал в руках серебряный поднос с серебряным чайником и фарфоровой чашечкой.

– Ваш кофе, герр адмирал, – сказал ординарец, ставя поднос на столик.

– Макс у себя!?

– Так точно, полковник был у себя, а с вечера лег спать.

– Русские сегодня не бомбили Берлин? – спросил ординарца Канарис, зная, что большевики с союзниками иногда осыпают город огромным количеством бомб.

– Никак нет, герр адмирал, сегодня было на удивление тихо.

– Пригласите мне срочно полковника, мне нужно его видеть, – сказал Канарис, наливая себе кофе.

Эту процедуру он выполнял всегда сам, и это было известно ординарцу, поэтому он задерживаться не стал, а сразу же удалился из кабинета. Через несколько минут, в кабинет к адмиралу вошел полковник Макс Редль. Его безупречный, идеально отглаженный мундир, вызывал уважение к его обладателю. Ленточка за зимнюю кампанию. «Рыцарский крест» говорили о его былых подвигах на восточном фронте.

– Я рад вас видеть, Макс, – сказал Канарис, приглашая выдавшего виды горного стрелка к столу.

Черная повязка на правом глазу из кожи и перчатка на левой руке говорили о том, что Редль, был ранен, но не ушел в отставку, а оставшись настоящим немецким воином. Потеряв руку и глаз на восточном фронте, он был признан медицинской комиссией негодным для службы на фронте. Но здесь в тылу, он служил в третьем отделе управления «Z» и подчинялся только адмиралу Канарису.

– Макс, у меня сегодня был напряженный разговор с фюрером. Он чертовски озабочен, положением нашей дивизии на восточном фронте. Гитлер поручил подготовить приказ о её реорганизации. Было решено на её базе, создать специальные подразделения – типа английских «коммандос».

– Наши парни герр адмирал лучше, чем британский коммандос, – сказал Редль, – я не вижу необходимости менять структуру диверсионных подразделений.

– Я тоже такого мнения, но фюрер считает, что эти парни должны быть машинами смерти, и выполнять немислимые задачи по устранению командного состава врага и саботажу производства всех вооружений противника. Вы, Макс, подготовьте об этом приказ, я постараюсь дополнить его своими соображениями. Первое; на базе нашего учебного подразделения в Бранденбурге, предстоит разместить и подготовить показательный батальон. Из числа войсковой разведки вермахта, необходимо отобрать лучших из лучших. Для подобного обучения на базе в «Бранденбург–800» необходимо создать специальное отделение «Курфюрст». Там мы и будем готовить новые десантно-диверсионные подразделения. Второе: уделять особое внимание знанию языков. Кандидаты должны знать не менее двух языков. Как сказал фюрер – приоритетом в выборе может быть только чисто арийское происхождение. Мы довольно уже хлебнули горя с этими славянами. Они спутали нам, все карты, и теперь явно ведут двойную игру. Восемьдесят процентов забрасываемых разведчиков и диверсантов сразу же сдаются в НКВД.

– Герр адмирал, колонисты из числа поволжских немцев могут стать отличным материалом для создания подобных диверсионных групп. Они очень злы на отца всех народов Сталина. У всех на памяти ссылка неблагонадежных в казахстанские степи.

– Макс, наши эксперты в этом разберутся, – сказал Канарис, – Третье: на оккупированной нами территории близ Смоленска, создать полевую разведывательно–диверсионную школу под патронажем офицеров отдела «Вали». После того, как Гитлер подпишет этот приказ, разослать его во все боевые части и роты. Необходимо уже в течение месяца разрешить все реорганизационные вопросы. Я поручаю вам, лично, взять на себя прием и отбор кандидатов.

– Я все понял, герр адмирал, разрешите идти?

– Да, Макс, предупредите Крюгера, чтобы он принес мне еще кофе. Сегодня будет бессонная ночь. Мне придется самому проработать некоторые детали, – сказал адмирал.

Щелкнув каблуками, полковник Редль удалился. Он закрыл за собой тяжелые дубовые двери, и в кабинете стало тихо.

Вильгельм уселся за стол и, подперев голову руками, устало взглянул на чернильный прибор, на котором сидели бронзовые фигурки трех обезьянок. Каждая из них несла определенный смысл: не вижу, не слышу и никому не скажу. Канарис пальцем погладил среднюю фигурку. В эту минуту в комнату вошел ординарец. Он щелкнул каблуками и, подойдя к столу, поставил на него серебряный поднос с серебряным кофейником.

– Ваш кофе, герр адмирал!

– Ах, да! – будто от сна очнулся Канарис. Он налил себе в чашечку душистый напиток и сделал глоток. Положив перед собой лист бумаги и ручку, он взглянул на ординарца и сказал:

–Крюгер, вы до утра абсолютно свободны!

Сделав еще глоток кофе, Канарис снял с ручки колпачок и, задумавшись, вывел на бумаге только одно слово: ПРИКАЗ...

Глава шестая

«Курфюрст»

В один из дней мая 1942 года, когда русские части были отброшены от города, в штаб девятой армии пришел приказ из ставки. Начальник штаба полковник Кребс, тут же вызвал к себе командира развед подразделения дивизии майора Мослера.

– Герр майор, на основании приказа, подписанного фюрером, необходимо откомандировать в Бранденбург наших лучших разведчиков со знанием языка противника. Капитан Крамер, командир отдельной группы дивизионной разведки, как кандидат подходит под условия выбора. Доведите до него приказ и в течение сорока восьми часов отправить в учебное учебный полк «Курфюрст».

– Он же единственный боевой офицер, – сказал майор Мослер, – кто в данный момент необходим на этом участке фронта, герр полковник...

– Майор Мослер! Исполняйте приказ фюрера. Группа армии «Центр» зарезервирована до особого распоряжения ставки и переведена в режим обороны. Фельдмаршал фон Бок снят, и на его место командующим армией «Центр» уже назначен фельдмаршал фон Клюге. По сведениям ставки, театр активных военных действий переносится на Юг в направлении Кавказа и Каспийского моря. Девятая армия переходит к оборонительным мероприятиям.

– Разрешите исполнять? – сказал майор Мослер, и, щелкнув каблуками, удалился.

Сборы капитана Крамера на обучение были не долгими. Камрады разведывательной роты поднимали здравницы, пожимали ему руки перед отъездом и передавали письма для своих родных и близких. Я в день убытия командира был вызван к начальнику штаба полка майору Брунке. Я вошел в штаб, я тут же доложил дежурному офицеру-адъютанту о своем прибытии, и сразу же был направлен по инстанции.

– Унтер-офицер Петерсен, согласно рапорта вашего командира капитана Крамера, вы, предаёте ему в качестве ординарца на время обучения. Получите ваше командировочное удостоверение и ступайте исполнять обязанности.

Щелкнув каблуками, я отдал честь и отрапортовал:

– Слушаюсь герр майор, получить командировочное удостоверение, – сказал я, и, симулируя парадный шаг, покинул помещение штаба.

Капитан Вальтер Крамер для меня был олицетворением настоящего прусского офицера. Он был на удивление храбрым, смелым и каким-то разудалым (как говорят русские). Выглаженный мундир, сияющие до зеркального блеска хромовые сапоги в сочетании с наградами придавали ему вид доблестного вояки. Капитан встретил меня улыбкой и сказал:

– Черт подери, сколько ждать тебя студент? По твоей довольной роже гренадер, я осознаю о готовности стать моим ординарцем.

– Герр капитан, я готов!

– Нам... Нет мне – приказано убыть в учебный центр в Бранденбург. На месте определимся... А сейчас собери мой офицерский чемодан и жди меня. Я схожу и перед тем, как мы отправимся на родину, попрощаюсь с Ирмой. Надену ей пояс верности, чтобы не обрести рога. Пусть фроляйн скучает только по мне.

Ирма три месяца как был подружкой моего командира, с которой он проводил минуты свободные от службы. Она добровольно служила во вспомогательной женской роте управления дивизией, связисткой. Родом Ирма была из Праги, и как чешская немка, была хороша собой настолько, что капитан Крамер влюбился в неё с первого взгляда. Для чистокровных немок её внешность – её красота, была явлением аномальным. Благодаря нашим историческим особенностям средневековья, немецкие женщины были лишены привлекательности, но вопреки этому, они не были распутны, как славянки, и были незыблемым фундаментом немецкой семьи.

Собрав свою амуницию и офицерский чемодан капитана Крамера, я перетащил все в дежурную машину, и, разомлев под весенним солнцем, задремал, ожидая командира. Сколько я дремал – не помню.

Капитан, осчастливив напоследок свою подружку страстным порывом любви, явился в добром расположении духа.

– Ну, что студент, скучаешь по своей курносенькой шлюшке? – сказал Крамер, и лукаво улыбнулся. – Не дрейфь солдат, сегодня у тебя будет шанс, потешить своего «Вилли», маленькой сопливой дырочкой. Мы выступаем, – казал он, встав на подножку дежурного «Кубельвагена».

– Угощайся Кристиан, – сказал капитан, и открыл передо мной серебряный портсигар. Не чувствуя подвоха, я взял русскую папиросу (так назывались короткие русские сигареты с мундштуком из плотной бумаги) и прикурил. В тот же миг я почувствовал, как русский эскадрон «казаков», вооруженных саблями, «проскакал» по моему горлу на конях. Следом за этим эскадроном из моей груди вырвался кашель, словно там – в моих девственных легких разорвалась наступательная граната.

– Что, студент приуныл? Непривычно!? Русский табачок дерет тебе горло!? – сказал капитан, улыбаясь, и тут же постучал меня по спине.

– Да, непривычно, герр капитан – чертовски крепкий!

– Ты прав малыш, что русскому в радость – нашему брату немцу смерть! Так говорят русские... Привыкай! В разведшколе школе тебе придется привыкать курить только русские папиросы.

Капитан Крамер влез на заднее сиденье машины, и развалился там, словно фельдмаршал. Постучав шофера по погону, он сказал:

– Что стоишь – раздолбай! Тебе, что нужно показать приказ фюрера, чтобы ты завел свою керосинку? Давай Шнитке жми на газ, нас ждут великие дела, – сказал Крамер. – Вперед!

Фолксваген тип – 62 «Kübelwagen» заурчал, и, заскрежетав шестеренками, тронулся с места, оставляя за собой пыль фронтовых дорог. Русская авиация, как по расписанию бомбила колонны армейского обеспечения, не давая нашим тыловикам полноценно обслуживать наши

передовые части. Дороги России насколько я помню, были ужасны. Нет – это были не дороги. Это просто были направления, по которым русские перемещались до войны. Летом мы задыхались от глиняной пыли, а осенью и весной тонули по самые уши в жидкой грязи. На протяжении всего пути до Витебска, где находился сборный пункт и полевой аэродром вдоль обочины торчали остовы сгоревших машин. Им не суждено было попасть на фронт, и они стали олицетворением того, что могут в любой момент сделать и с тобой эти дикие русские. Колонны пленных уже были не так многочисленны, как в начале войны. Они шли на Запад, стараясь выжить и уйти от войны, но она каждый раз настигала их и «пожирала», оставляя на обочинах, их несчастные и измученные страданиями тела.

В те минуты этот унылый вид выжженной и перепаханной бомбами земли погружал мое сознание во всякого рода философские размышления. Мне казалось, что я старался всеми силами оправдать войну. Я считал её развитием цивилизации, которая словно змея сбрасывает шкуру прошлого, чтобы вновь предстать перед вселенной в своем новом облики.

В своих фантазиях я представлял среди всех этих русских просторов многочисленные и добротные немецкие поселения. В те минуты я еще не знал, что уже скоро придет то время, когда я осознаю всю бесперспективность этого похода. Для себя я открою новый мир, который изменит мое сознание и придаст моей сущности новый вектор моего бытия.

Глава седьмая

«Бранденбург–800»

Транспортный трехмоторный «Юнкерс», тарахтя двигателями, благополучно приземлился на аэродроме Темпельхоф, который находился в трех километрах от центра Берлина. Погода для начала лета была неуютной и пасмурной, что после целого года разлуки создавало унылое настроение при встрече с Фатерляндом.

– Господа, авиакомпания «Люфтганза» рада приветствовать вас, на земле великих галов и нибелунгов, – громко сказал Вальтер Крамер, с тонкой иронией на которую может только извращенный войной мозг боевого офицера. – Смотри Кристиан, как родина встречает нас слезами, словно бы оплакивает тех, кто не смог вернуться, – сказал Крамер, тараща глаза в иллюминатор.

От его слов в моей груди перехватило дух. Я понял, как далеко все – таки моя отчизна находится от реалий той страшной войны из которой нам довелось вырваться. Было такое ощущение, что Германия совсем не знает, что за тысячу километров от Берлина, гибнут её лучшие сыны.

– Мне не верится! Мы вернулись – герр капитан! Мы в Германии!!!

– Ты гренадер, еще разрыдайся, как юная фроляйн, перед тем как раздвинуть ноги, – сказал Крамер. – Вытри сопли, мы прилетели всего лишь командировку.

Самолет подкатил к ангару, и его моторы внезапно заглохли, погружая нас в благодать тишины.

– Всё – выметайся студент! Прилетели! Смотри и запоминай – сейчас нас будут встречать, как настоящих героев! Через тридцать лет ты обязательно отрази это в своих мемуарах.

Двери самолета открылся, и в его проеме появилось не очень приветливое лицо гауптфельдфебеля люфтваффе, с блокнотом в руках.

– Господа офицеры, добро пожаловать на родину! Автобус ждет вас, чтобы доставить на базу.

– Втяни брюхо студент! Расправь плечи! Имперский оркестр играет торжественный туш, а ковровые дорожки усеяны лепестками роз!

Уже ровно год, как война шла в России, и наши войска, и экономика Германии, как никогда находились на необычайном подъеме. В то время мы искренне верили в то, что стоим за правое дело. Не было ни одного генерала, офицера или солдата, который не верил бы в скорую

победу нашей огромной армии. Впервые за всю историю нашей страны под ружье было поставлено семь миллионов человек. Вся эта армада, вся эта военная машина готова была в любое время выполнить приказ фюрера и отдать жизни на алтарь благополучия великой Германии.

– О чем задумался студент!?! – спросил командир, и, достав из внутреннего кармана фляжку, пригубил французского коньячка, который он постоянно покупал в полевом кабаке.

– Хочу дать телеграмму. Может герр-капитан, мать придет, – сказал я, и, взвалив походный баул себе на плечи, посеменил за командиром, который шел впереди прилетевшей команды, словно главнокомандующий впереди своего войска.

– Не торопись, у тебя еще будет возможность. Хотелось бы посмотреть, что же нам такого приготовил наш папаша Канарис, чего мы с тобой не знаем?

Из группы армии «Центр» на обучение прилетело несколько офицеров чина не ниже капитана, которым по штату полагался ординарец из числа рядового состава. В основной массе это были выходцы из Прибалтики и Поволжья и из них не все служили в разведке. Таких, как капитан Крамер из войсковой разведки было всего трое.

Сразу по прибытии, офицеров пригласили в офицерскую летнюю столовую, где было все пристойно, как и подобает нормам летного состава любимчиков Геринга. Нас денщиков и унтер–офицерский состав младших разведчиков разместили в солдатской столовой, где от пуза накормили гороховой кашей с копчеными свиными ребрами. Для фронтовика, привыкшего на фронте к полуфабрикатам и эрзац пище, этот ужин воистину стал королевским.

«Конец приема пищи», -возвестил сигнальный свисток фельдфебеля, который все это время расхаживал между столиков, наблюдая за нами, словно служащий СД.

После ужина господ офицеров и нас рядовой состав, перевели в помещение спортивного зала. Высокий полковник, с кожаной повязкой на глазу, внимательно осмотрел нашу группу, и сказал:

– Меня господа фронтовики, звать полковник Макс Редль. На данном этапе я представляю интересы адмирала Канариса, и исполняю приказ фюрера, по реорганизации полевой разведки мотопехотных частей Вермахта, в разведывательное – диверсионные подразделения Бранденбург–800

Подполковник Макс Редль был доверенным лицом адмирала Канариса, и сам лично и исполнял все его поручения. Он внимательно осмотрел прибывший контингент, и, сказал:

– В ближайшие дни наша армия готовит наступление на южном направлении к стратегическим запасам нефти на Каспии. Даю вам три минуты на сборы, вас ждет автобус! Хайль! Да поможет вам Бог!

Речь полковника, была по– военному короткой, но емкой и вполне понятной. От его слов по душе прокатилось странное волнение, и мы в те минуты почувствовали свою историческую причастность к делу третьего Рейха и нашего фюрера.

Школа дивизии Бранденбург–800 в которой, капитану Крамеру предстояло пройти обучение, находилась недалеко от города Бранденбурга, где была сформирована еще задолго до войны. Все пространство вокруг школы было обустроено для скоротечного и интенсивного учебного процесса. Всевозможные стрельбища, полосы препятствий, учебные классы и объекты подготовки диверсионных операций под руководством лучших и опытных инструкторов, прошедших все перипетии этой войны.

– Господа офицеры, с этого дня вам вновь присвоено ново звание курсант. Вам придется повторно пройти обучение и по окончании курса, сдать квалификационный экзамен, – сказал полковник Редль.

– Курсанты, выходи строиться для приветствия, – сказал дежурный унтер–офицер и засвистел в свисток, словно наш обер-фельдфебель.

Несмотря на то, что капитан Крамер был по званию выше, но и ему приходилось беспрекословно подчиняться унтер–офицеру. Все выскочили на плац и построились в две шеренги,

как это требует боевой уклад Вермахта. Из подъехавшего «Мерседеса» вышли три офицера высшего ранга. Начальник школы: – подполковник Литке, начальник штаба полка, и легенда «Абвера» доктор разведки – адмирал Канарис.

Адмирал Канарис, был среднего роста, его черная морская форма с адмиральскими погонами и кортиком на поясе, придавали этому человеку довольно таки бравый вид. Адмирал был из тех, кто уважали своих подчиненных, не смотря на звание и родословную. За это офицеры и солдаты полка «Бранденбург–800» по–простому называли его «стариком». В отличие от многих офицеров высшего звена «старик», не выпячивался, стремясь к карьерному росту. Он, как профессиональный разведчик, старался быть тихим и незаметным, в нужном месте и всегда в нужное время. Вот эта черта характера и сгубила его в 1944 году. После неудачного покушения на фюрера, по приказу начальника гестапо Мюллера он был арестован. Следствию доказать тогда причастность адмирала Канариса к заговору не удалось. Банальная страсть к ведению дневников погубила бравого разведчика. Гестаповцам удалось найти дневники генерала, из которых стало известно, что он долгое время работал на британскую разведку. 8 апреля специальным судом в лагере Флоссенбург, адмирал Канарис, был признан виновным в преступлениях против рейха и там же повешен. Его труп после казни, был сожжен на костре, а прах развеян по ветру. Так печально закончилась жизнь самого лучшего разведчика третьего Рейха, адмирала Канариса.

Адмирал понял руку и поприветствовал курсантов.

– Хайль Гитлер!

В ту самую минуту, грянуло дружное и раскатистое троекратное:

– Зик хайль! Зик хайль! Зик хайль!

– Господа офицеры, унтер-офицеры! По личному приказу фюрера вы прибыли для трехмесячного обучения. Наши доблестные войска успешно развивают наступление на Сталинград в направлении Юга России. Поэтому, согласно приказа ставки, опытные инструктора обучат вас, ведению диверсионной войны в тылу большевиков по новой программе, разработанной нашими лучшими диверсантами. Забудьте, что вы, разные по званию. На сегодняшний день вы все являетесь, курсантами элитной школы, чтоб сего за три месяца стать профессорами разведки и диверсий третьего Рейха. Война с советами переходит, в совершенно иную фазу и нам предстоит задача создать огромное количество крылатых, боевых подразделений на манер британских «командос». Фюрер возлагает на вас надежду, что вы, доблестные воины Рейха, оправдаете возложенное на вас доверие, как Адольфа Гитлера, так и всей великой Германии. Каждый из вас по окончании этого учебного заведения станет командиром особой группы, которая получит свое имя и код. Да поможет вам бог! Хайль! Я надеюсь, вы, станете достойными сынами своего отечества! За наших доблестных солдат, сражающихся на фронтах рейха – за нашего фюрера Адольфа Гитлера! Хайль!!!

После сказанных им слов, воздух снова потрясло троекратное:

– Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!

Удивительное чувство гордости и причастности к этому великому делу наполнило мою грудь небывалым патриотизмом. От сказанных адмиралом слов, нервы натянулись, словно струны и по моей щеке прокатилась счастливая слеза моей причастности к этим историческим событиям.

У меня была уверенность, что проходить обучение будет капитан Крамер, а я лишь буду его ординарцем, который будет приносить ему пиво и чистить хромовые сапоги. Но я ошибся. Уже в первый же учебный день нас всех ждал удивительный сюрприз.

Нудный свисток дежурного унтер-офицера возвестил о подъеме ровно в шесть часов утра. Переодевшись в спортивные костюмы, вся школа выбежала на десятикилометровый кросс. Вот тогда я понял, что в тылу может быть хуже, чем на фронте. Бежать приходилось по мощеной камнем дороге, которая сворачивала на песчанку, проходившую через сосновый лес.

Песок был настолько мелким, что наши ноги увязали почти по самые щиколотки. Я старался бежать следом за командиром, чтобы не отстать, но с каждым разом дистанция между нами все удлинялась и удлинялась, пока схватившись от боли за правый бок, я не пошел шагом.

– Курсант, – услышал я за своей спиной и в тот же миг почувствовал жгучий удар плети промеж лопаток. Я взвыл от боли, и словно арабский скакун помчался следом за остальными не смотря на то что испытывал жуткую боль в области печени.

Обернувшись, я заметил инструктора, который своей плетью подгонял отставших курсантов, не взирая ни на звания, ни на бывшие фронтовые заслуги.

Уже через несколько сот метров я почувствовал, как моя боль куда-то резко ушла. В моей груди вдруг открылось второе дыхание. Я вдыхал утренний воздух свободно, подобно кузнечным мехам и уже через некоторое время понял, что смогу так бежать не один километр.

Впоследствии подобные тренировки спасут мне жизнь, и я ничуть не сожалею, что прошел через этот изматывающий ад.

Ежедневно утренний кросс сменялся рукопашными тренировками. Те в свою очередь стрельбой из всех видов оружия и диверсионными занятиями по взрывчатым материалам и лекциям по радиоперехвату. Так на протяжении трех месяцев мы бегали, прыгали, лазили по деревьям, спускались с парашютом, взрывали рельсы и всевозможные коммуникации. За тяжелым трудом разведчика время пролетело довольно незаметно. Инструкторы вытянули из нас все жилы, превратив в настоящие боевые машины, которые могли сеять смерть направо и налево. Да, мы в то время абсолютно были лишены всяких чувств. Нам не было разницы, чем убивать своего врага, будь то саперная лопатка, или же нож. Доведенные до автоматизма, мы стали простым орудием смерти и мести нашего фюрера.

Возможно, было бы все иначе, если бы каждый солдат вермахта обладал такой физической и боевой подготовкой. Вряд ли «Иваны» тогда могли бы противостоять такой силе, ловкости и бесстрашию моих камрадов.

Сейчас я вспоминаю, как был наивен, когда полагал, что смогу дать телеграмму и увидеть свою мать. Первые дни настолько выматывали физически мое тело, что дальше своей кровати я никуда не хотел идти. После отбоя я падал без чувств, а утром все вновь продолжалось сначала. Так день за днем, месяц за месяцем мы прошли с моим командиром весь этот путь. В преддверии осенних событий на восточном фронте капитан Крамер, предстал перед экзаменационной комиссией и защитил звание дивизионного эксперта.

Высшие офицеры «Абвера» принимали у нас экзамены по всем дисциплинам, и мой командир достойно выдержал все испытания, оставив далеко позади своих сокурсников.

Тогда это могло показаться странным, но по окончании школы, я получил звание унтер-офицера с ношением портупей. Это означало, что я мог стать настоящим немецким офицером, пройдя дополнительные курсы обучения в военных школах.

По сводкам военных корреспондентов и кинохроники «Wochenschau», мы узнавали, что нашим камрадам на восточном фронте сейчас необыкновенно тяжело. Большевики получили огромный опыт за время боевых действий и довольно скоро научились так мастерски воевать, что у Гитлера не хватало резервов прикрывать дыры, пробитые в нашей обороне.

Единственное увольнение, полученное капитаном Крамером, было почти перед самой отправкой на должность командира разведгруппы – позывной «Герра». Ему, как выпускнику высших офицерских курсов, предстояло реорганизовать дивизионную фронтовую разведку в структуру, которой на восточном фронте пока еще не было. Это были легковооруженные отряды сотен диверсантов, оснащенные средствами связи и стрелковым вооружением, для работы в большевистском тылу.

– Студент! У меня на руках приказ адмирала Канариса. Через три дня мы убываем на фронт в штаб группы армий «Центр». Мне предписано принять отдельную диверсионно-разведывательную группу дивизии «Бранденбург-800».

– А мне что делать, – спросил я, – вернуться в эскадрон?

– Нет, Кристиан, ты будешь со мной! Черт побери, ты, для меня стал почти родным братом...

– Слушаюсь...

– Эскадрон расформируется... В планах командования, реорганизация разведывательных подразделений мотопехотных соединений Вермахта, с передачей их подразделений непосредственно под крыло 203 группы «Абвера», которая дислоцируется в Витебске.

– Всех?

– Всех, мой юный друг –всех! – ответил Крамер, улыбаясь.– Поэтому поводу у меня есть идея. Я предлагаю перед нашей отправкой на фронт навестить какой–нибудь берлинский ресторанчик и погулять со столичными девочками. Не сомневаюсь, что ты, найдешь с кем провести последнюю ночь и разгрузить свои «пороховые погреба», – сказал Крамер, намекая на увольнение.

– Есть разгрузить «пороховые погреба» герр капитан!

– Тогда, чисти сапоги и поехали. Отсюда до Берлина всего сто тридцать километров. Это ближе чем от Витебска до Невеля. Через час мы будем стоять с тобой на Александр плац. Там в центре много всяких интересных заведений. Поднимем боевой дух перед отправкой на фронт!

Проблем добраться до Берлина не было. Грузовые и легковые машины постоянно сновали туда и сюда, обеспечивая всем жизненно важным базу и учебный центр «Абвера».

На въезде в учебный центр, стоял пост фельджандармерии, который проверял все машины, идущие в Бранденбург. Капитан Крамер подошел к плотному краснолицему фельдфебелю, и, приветливо улыбаясь, спросил:

– Старина, мы тут с унтером завтра отправляемся на Восточный фронт. У нас есть увольнение, и мы не прочь повеселиться в одном из берлинских гасштеттов. Может быть, вы сможете посодействовать? Нам нужна машина, идущая в Берлин.

– Герр капитан, в Бранденбурге прямо в центре есть масса неплохих кабаков, и вам не стоит ехать в Берлин, чтобы выпить шнапса и пива. Девчонок и у нас вполне хватает.

– Нет, герр обер-фельдфебель, все же нам больше хочется побывать в Берлине. Вы понимаете, что восточный фронт, это не прогулка по Вердер – парку и набережным Шпреи?

Обер-фельдфебель с сочувствием взглянул на нас с капитаном и, подняв жезл, остановил офицерский легковой «Опель». В салоне автомобиля сидел молодой лейтенант. По всей вероятности, это был ординарец какого–то офицера или просто штабной связист–порученец.

– Герр лейтенант, вы в Берлин? – спросил краснолицый обер-фельдфебель, склоняясь к открытому офицером окну.

– Да, а что вас интересует? – удивленно спросил тот.

– Возьмите вот этих бравых парней до Берлина. Они завтра убывают завтра на восточный фронт, и просто хотели немного расслабиться.

– О, нет проблем! У меня два места свободных, пускай сядутся в машину. В компании и время летит незаметно. Мне интересно узнать, как там обстоят дела на фронте?

Мы с капитаном сели на заднее сиденье в предчувствии необыкновенного приключения. Лейтенант в пол–оборота повернулся к нам, и по его шевронам на рукаве было заметно, что он всю свою жизнь прослужил в тылу и ни на каких фронтах не был.

– Я герр капитан, тоже хотел попасть на фронт. Мечтал даже получить «Железный крест», чтобы мой отец и мать гордились мной. Да вот проклятый крипторхизм замучил меня. Я, господин капитан, признан негодным ни к боевой, ни строевой службе. Приходится вот бумажки всякие развозить, да генералу Монке готовить кофе и подавать утреннюю прессу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.